

ДЖОНАТАН Л.
ГОВАРД

ИОГАНН КАБАЛ
НЕКРОМАНТ

Мастера магического реализма (АСТ)

Джонатан Говард

Иоганн Кабал, некромант

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Говард Д. Л.

Иоганн Кабал, некромант / Д. Л. Говард — «Издательство АСТ»,
2009 — (Мастера магического реализма (АСТ))

ISBN 978-5-17-104838-9

Многие годы Иоганн Кабал, ученый, скептик и чрезвычайно рациональный человек, работал над одной благородной целью – победить саму смерть. Для этого он заключил договор с дьяволом, но теперь хочет разорвать контракт. Сатана, удрученный бесконечной чередой грешников и чудовищной адской бюрократией, от скуки предлагает Иоганну сделку: некромант должен убедить 100 человек добровольно обречь себя на вечные муки в преисподней, иначе он будет проклят навеки. Для выполнения договора у Кабала есть ровно год и Цирк раздора в придачу, идеальная организация по отъему душ. Набрав в помощники воскрешенных мертвецов, Кабал отправляется в дорогу. Но вскоре он понимает, что выбраться из столь затруднительного положения ему будет куда сложнее, чем казалось на первый взгляд. Ведь когда у тебя нет чувства юмора, когда у твоих помощников может запросто отвалиться рука или нога посреди представления, когда общение кажется пыткой, а люди упорно не желают расставаться со своим бессмертным капиталом, управлять Цирком очень сложно. Но времени осталось немного, второго шанса у Кабала нет, поэтому придется импровизировать.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-104838-9

© Говард Д. Л., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	30
Глава четвертая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джонатан Л. Говард Иоганн Кабал, некромант

Посвящается Ноэль и Энид Говард

*И замер бег часов,
Но не каминных.
И чудеса женеvских мастеров,
Увы, уж не заставят куклу
Бездвижную к нам выйти на поклон.*

Эмили Дикинсон

Серия «Мастера магического реализма»

Jonathan L. Howard
JOHANNES CABAL, THE NECROMANCER

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Rogers, Coleridge & White Ltd. и Andrew Nurnberg.

Перевод с английского: *Надежда Алексеева*

© 2009 Jonathan L. Howard

© Надежда Алексеева, перевод, 2019

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая

В которой ученый отправляется в Ад и заключает сделку

Вальпургиева ночь. Ночь ведьм. Последняя ночь в апреле. Ночь, когда зло свободно разгуливает по земле.

Заброшенное, безлюдное место – здесь его никто не потревожит, здесь можно укрыться от любопытных взглядов. Воздух наполнял запах только что пролитой крови – рядом лежало обезглавленное тело козленка. В правой руке человек сжимал клинок с тонким лезвием из чистой стали – никаких других металлов с примесями при нем не было. Рукав рубашки на руке, что держала меч, он закатал до самого плеча, так что было видно бицепс. В кармане жилета, завернутая в бумагу, лежала монетка. В костре у его ног полыхали белые поленья.

Звали его Иоганн Кабал. И он призывал демона.

«...Оариос! Алмоазин! Ариос! Мемброт!» Произносимые им нараспев имена растворялись в необычайно тихой ночи. Лишь огонь потрескивал, составляя ему компанию. «Янна! Этитнамус! Зариатнатмикс... и далее, и далее». Иоганн втянул воздух и тяжело вздохнул: ритуал ему порядком наскучил. «А. Э. А. И. А. Т. М. О...»

В именах, которые он должен был назвать, имелся тайный смысл, как и в распеваемых им буквах. Правда, это вовсе не означало, что на Иоганна они производили впечатление или что он их одобрял. Пока он читал Великое заклинание, его не покидала мысль: от некоторых колдунов было бы куда больше пользы, составляй они кроссворды.

Пространство деформировалось, и вот уже Иоганн стоял не один.

Демон по имени Люцифуг Рофокаль был чуть выше Кабала при его росте в метр восемьдесят пять. Однако на голове демона громоздился нелепый шутовской колпак с тремя не то рогами, не то щупальцами, к которым крепились наконечники стрел. Рога (или же щупальца) беспрестанно колыхались, отчего Люцифуг становился то выше, то ниже. В одной руке у демона была сумка – там, пусть и чисто символически, лежали сокровища мира. В другой он держал золотой обруч. Кожаная юбка, состоящая из отдельных полос с нашитыми на них металлическими пластинами, наподобие птерюгесов, что носили спартанские воины, прикрывала мохнатые ноги, которые заканчивались копытами. Позади демона тянулся толстый хвост, как у муравьеда, а над верхней губой торчали дурацкие усики в стиле Эркюля Пуаро. Своей анатомией Люцифуг напоминал оживший рисунок из игры «Изысканный труп» (что вполне характерно для демона).

– Зри! Я есмь здесь! – воскликнул демон. – Зачем звал ты меня? Зачем покой мой потревожил? Не хлещи меня более убийственным прутом! – Люцифуг посмотрел на Кабала. – А где твой убийственный прут?

– Дома оставил, – бросил Кабал. – Думал, не понадобится.

– Как же ты вызвал меня без убийственного прута? – в ужасе воскликнул Люцифуг.

– Ну ты же здесь, разве не так?

– Так, но ты заманил меня сюда обманным путем. У тебя нет ни шкуры козла, ни двух венков вербены, ни двух восковых свечей, изготовленных девственницами и благословленных должным образом. А камень под названием Эматилль?

– Понятия не имею, что за Эматилль.

Демон, который и сам не представлял, что это был за камень, сменил тему и продолжил перечислять:

– Четыре гвоздя из гроба умершего ребенка?

– Прекрати говорить глупости.

– Полбутылки бренди?

– Не пью бренди.

– Да не для тебя.

– Есть фляжка, – сказал Кабал и бросил ее Люцифугу. Демон поймал флягу и сделал глоток.

– Твое здоровье, – Люцифуг вернул флягу.

Какое-то время они разглядывали друг друга. Наконец демон заметил:

– Бедлам полнейший. Ты зачем вообще меня призвал?

Врата Ада являли собой впечатляющее зрелище. На пустынной равнине Чистилища из растрескавшейся спекшейся земли взмывал вверх огромный несокрушимый камень полтора километра в ширину и три в высоту. С одной стороны этого внушительного неприступного мегалита располагались сами Врата: массивная железная конструкция простиралась на десятки метров вдаль и устремлялась на сотни метров ввысь. На грубых, почти необработанных створках оспинами тянулись неровные ряды больших плотно закрученных болтов и такие же неровные широкие медные полосы. Простительно считать, будто Ад – местечко популярное.

Звучит удивительно, но, похоже, так оно и есть.

Стоя перед Вратами, не перестаешь гадать, что же случится, когда ты пройдешь сквозь этот жуткий, не щадящий никого портал. Одни считают, будто весь Ад уместился в камне и внутри ломается само представление об измерениях. Другие говорят, что сразу за Вратами, в поллой породе, находится огромная расселина, ведущая в преисподнюю, – стоит переступить черту, и проваливаешься вниз, навстречу уготованным тебе вечным мучениям. По мнению третьих, внутри камня начинается большой эскалатор. Никто снаружи не ведал, что же скрывается по ту сторону Врат, но каждый жаждал узнать, ведь все – все, что угодно, – было лучше, чем заполнять формуляры.

Множество формуляров. Целые горы формуляров. В среднем, чтобы попасть в Ад, требовалось заполнить около девяти тысяч семисот сорока семи форм. В самом большом документе содержалось пятнадцать тысяч четыреста девяносто семь вопросов. В самом коротком – всего пять, однако эти пять были написаны издевательски витиевато и злонамеренно двусмысленно, использовали мудреную фразеологию и заковыристую грамматику. В мире живых они непременно породили бы целую новую религию, ну или как минимум стали основой для курса по менеджменту.

Формуляры считались первой пыткой в Аду, и придумала их не иначе как душа банковского клерка.

Конечно, заполнять формы было совсем необязательно. Однако, в противном случае, человеку предстояло провести вечность нагишом в бескрайней пустыне, не ведающей, что такое ночь. Поэтому рано или поздно большинство все же вставали в очередь у будки привратника. В окошке они получали форму АААА/342 «Предварительная заявка на заселение в inferнальные владения Аида» и мягкий карандаш.

Вереница исполненных надежды просителей извивалась вокруг будки, словно кто-то решил проверить, насколько хватит коробки шариковых ручек, и начертил длинную линию. Некогда безмолвную пустыню теперь наполнял монотонный гул приглушенных голосов, зачитывающих вопросы, и шелест перелистываемых страниц. Новички плечом к плечу с уже матерыми душами терпеливо ожидали своей очереди, чтобы сдать или получить формуляр. Кратчайший маршрут в этой бумажной волоките, который обеспечивал быстрый проход в Ад, предусматривал заполнение двух тысяч семисот восьмидесяти пяти формуляров, однако еще ни один кандидат не подходил под требования, которые гарантировали бы ему подобное счастье. Большинству предстояло заполнить раза в три или четыре больше бумаг, не говоря уже о формах, не принятых из-за ошибок. Специально отобранная команда чертей-администраторов, что отвечала за пропуски, ошибок не любила, а стирательные резинки они не выдавали.

Сквозь бормочущую толпу, переступая через тех, кто заполнял формы, и даже не думая извиняться, прокладывал себе путь бледный мужчина. Иоганн Кабал шел по Аду.

Голову его венчала копна светлых волос. Мужчине еще не исполнилось тридцати, но в облике уже не осталось и следа молодецкого духа. Не было в Кабале ничего примечательного, разве что решимость и целеустремленность, с которой он продвигался к будке привратника, да одежда.

– Эй, поаккуратнее там! Под ноги смотри! – рявкнул Аль Капоне, бившийся над словом «венерический», которое ему никак не удавалось написать правильно, когда Кабал перешагнул через него.

– Почему бы тебе не... – возмущенная фраза оборвалась на полуслове. – Эй, поглядите-ка! Парень-то одет! На нем одежда! – заголосил мафиози.

Парень и правда был одет. Короткий черный сюртук, черная шляпа с опущенными полями, черные штаны, черные ботинки, белая рубашка и аккуратный черный галстук. Глаза скрывали очки с темно-синими стеклами и боковыми щитками. В руке он держал кожаный саквояж. Наряд ничем не примечательный, но все же наряд.

В пустыне Чистилища впервые произошла настоящая сенсация. Обреченные на вечные муки расступались перед Кабалом, который воспринимал подобное поведение как должное. Кое-кто из местных предположил, что незнакомец – посланник с Той стороны и что близится конец света. Другие спорили с ними и ссылались на Откровение, в котором ни слова не говорилось о человеке в черной шляпе и приличных ботинках.

Кабал прошествовал напрямик к будке привратника и ударил ладонью по стеклу. Он смотрел по сторонам в ожидании, когда ему ответят, а проклятые съеживались под его бездушным и безразличным взглядом.

Распахнулось окошко.

– Чего тебе? – спросил хитроватого вида мужчина по имени Артур Трабшоу, лицо которого так и не утратило выражения, присущего банковским кассирам на земле.

Сартр однажды написал: «Ад – это другие». Так уж получилось, что одним из этих других стал Трабшоу. Пока он был жив, то работал клерком в захудалом банке заштатного городишки в захолустье Старого Запада. Все его существование проходило под знаменами бюрократии и педантизма: он аккуратно выводил «Т» на Т-счетах и ставил точки над каждой «i». Трабшоу вел двойную бухгалтерскую запись своей двойной записи, документировал все вычерченные перекладки над буквой «Т», сводил в таблице все точки над «i» и «j», перечеркивал ноль, чтобы не спутать его с буквой «О», и заштриховывал относительную частотность на круговой диаграмме, которую постоянно обновлял.

Преисполненная разнузданного следования правилам, жизнь Артура Трабшоу оборвалась внезапно, когда во время ограбления банка он получил пулю. Погиб он вовсе не героически, разве что кто-то сочтет достойным похвалы тот факт, что Трабшоу даже с бандитов потребовал расписку.

В Аду он с тем же рвением уделял внимание ненужным мелочам, демонстрировал склонность к педантизму, преданность ничтожно тривиальным вещам, которые отравляли его душу при жизни и обеспечили ему путевку в Ад. С его маниакальной любовью к порядку, царящий в преисподней хаос должен был стать для Трабшоу идеальным наказанием. Но мужчина воспринял Тартар как брошенный ему вызов.

По первости демоны, откомандированные мучить Трабшоу, злобно посмеивались над его попытками и пускали слюнки в ожидании главного блюда – разбитых надежд Трабшоу. Однако вскоре демоны обнаружили, что, пока они хохотали, Трабшоу рационализировал график пыток, что повысило их максимальную эффективность, оценил производительность и вре-

менные затраты чертей и между делом прибрался в ящиках с нижним бельем у князей и княгинь тьмы. Лилит после этого места себе от стыда не находила.

Сатана, не привыкший разбрасываться талантами, оценил непревзойденный дар Трабшоу выводить людей из себя и назначил его ответственным за допуск в Ад. В преисподней появился новый неофициальный круг.

– Я желаю видеть Сатану. Немедленно. – Фраза прозвучала отрывисто, в голосе Кабала слышался легкий немецкий акцент. – Мне не назначено.

К этому моменту Трабшоу уже заметил одеяние гостя и перебирал в голове возможные тому причины.

– И кто же тут у нас? Архангел Гавриил? – Трабшоу собирался пошутить, но в середине фразы передумал и сменил насмешливый тон. Что, если это и правда был архангел?

– Меня зовут Иоганн Кабал. Сатана меня примет.

– Так значит, ты у нас не какая-нибудь шишка?

Кабал одарил его суровым взглядом.

– Не мне судить. А теперь отворяй двери.

Одет, не одет, какая разница. Трабшоу почувствовал, что он в своей стихии. Привратник вытащил копию формуляра АААА/342 и пододвинул бумаги Кабалу.

– Придется, мистер, тебе их заполнить! – Трабшоу позволил себе смешок, напоминавший жуткое карканье механической вороны.

Пробежав глазами первую страницу, Кабал вернул листы.

– Вы меня не поняли. Я не собираюсь оставаться. Я по деловому вопросу. Мне нужно кое-что обсудить с Сатаной, а после я покину это место.

Любопытствующие души пораскрывали рты в немом изумлении.

Глаза Трабшоу превратились в щелки.

– Уйдешь? Отсюда? Ну да, конечно. Я вот думаю, никуда ты не уйдешь. Это Ад, сынуля. Это тебе не по девкам бегать: захотел – пришел, захотел – ушел. Нечего тут ужом изворачиваться. Помер – значит, остаешься. Так всегда было и будет. Слыхал, что я говорю?

Кабал долгое время сверлил привратника взглядом. Затем он улыбнулся – губы его вздернулись вверх в жуткой леденящей усмешке. Толпа затаила дыхание. Кабал нагнулся к Трабшоу.

– Послушай, ты, жалкий человечиска... жалкий мертвый человечиска. Ты в корне ошибаешься. Я не умер. Пробовал когда-то – не понравилось. Сейчас, в этот самый момент, пока я смотрю в твои слезящиеся зыркалки, зыркалки трупца, я абсолютно живой. Мне стоило огромных трудов сюда добраться, пришлось прервать работу, и все это чтобы поговорить с твоим боссом, подлым падшим ангелом. Так что давай отворяй двери, пока не пожалел о своем поведении.

Все тут же уставились на Трабшоу. Намечалось то еще зрелище.

– А вот и нет, мистер «Я живой и в роскошных штанах», не открою. И сожалеть об этом тоже не буду. А знаешь почему? Да потому, что я, как ты точно подметил, несмотря на эти свои дурацкие очки, мертв. Что еще лучше, я тут на службе. Слежу за тем, чтобы люди заполняли формуляры. Все до единого. Иначе в Ад не попасть. И что-то сейчас мне подсказывает, тебя, долговязый сукин сын, это тоже касается. Ну и чего ты собираешься с этим делать? А?

Вместо ответа Кабал поднял свой саквояж так, чтобы он оказался на одном уровне с окошком, аккуратно раскрыл и, взмахнув руками подобно фокуснику на сцене, извлек из недр череп.

Трабшоу сперва отодвинулся, но любопытство взяло верх.

– Что это у тебя здесь, чудик?

Оскал на лице Кабала стал еще чудовищнее.

– Твоя черепушка, Трабшоу.

Привратник побледнел и выпученными глазами уставился на череп.

– Я позаимствовал его на кладбище, в городе, где ты жил. Знаешь, там ведь до сих пор о тебе говорят. Можно сказать, ты стал частью тамошнего фольклора.

– Я всегда исполнял свой долг. – Трабшоу никак не мог оторвать взгляда от черепа.

– Это точно. Твое имя вошло в анналы истории.

– Правда?

– Несомненно, – Кабал выдержал довольно долгую паузу, ожидая, когда жалкое подобие сердца Трабшоу наполнится гордостью, а затем добавил: – Его используют как синоним глупости.

Трабшоу моргнул – волшебство рассеялось.

– О да. А чего ты хотел? Тебя же пристрелили за то, что ты попросил расписку у воров. Детишки на площадке говорят своим приятелям по играм: «Ты туп, как Трабшоу». А если их родители видят кого-нибудь непроходимо глупого, то выдают: «Вот идет настоящий Трабшоу, никаких сомнений». Сувениры даже продают – кустарная промышленность, все дела.

Кабал улыбнулся, и на его лице впервые мелькнуло доброжелательное выражение. Хотя почти наверняка то была всего лишь игра света.

Трабшоу вспыхнул:

– И ты еще думаешь теперь пройти через меня, ты, проклятуший немчура? Вот сейчас ты меня точно разозлил. Клянусь всеми демонами и ангелами, скорее в Аду наступит зима, чем я тебя пропущу!

Кабал изобразил зевок.

– Право, твоя репутация вполне заслужена, Артур Трабшоу. Я что, по-твоему, череп на память себе взял? Ты хоть знаешь, кто я такой?

– Да какая мне разница, мистер! Можешь взять свою сумку с костями и засунуть себе прямо в...

– Я – Иоганн Кабал. Я – некромант.

По обе стороны двери стало невероятно тихо. Слухи быстро расползаются во владениях тьмы. Трупы обмениваются сплетнями – здесь все знают о некромантах, колдунах, что используют мертвецов. Они – ужас, которым пугают сам ужас.

– Ну так что, Артур, по-моему, выбор у тебя небольшой. Можешь отворить двери и пропустить меня. Или же я возвращаюсь в земли живых в преотвратном настроении, поднимая тебя из мертвых, вселяю твою грязную душонку в любое подобие тела и заставляю жалеть о том, что ты воскрес. Снова и снова.

Кабал сдвинул затемненные очки на кончик носа так, чтобы видны были его холодные серьезные глаза, серые с голубыми прожилками, словно закаленная сталь, которая не предвещала ничего хорошего врагам.

– Ну так что ты предпочтешь?

Архидемону Рейтуту Слейбуту донесли о вторжении в Ад. И что же он предпринял, будучи генералом Орд Инферно? На разведку отправили летающих дьяволов, которые вскоре вернулись, приуныв, и доложили, что вражеские силы состояли всего-навсего из одного человека в солнечных очках и с очень вспыльчивым характером. Генерала это заинтриговало, и он решил взять дело в свои руки, клешни и извивающиеся, покрытые шипами щупальца.

Рейтут Слейбут представлял собой нагромождение неевклидовых углов, поверх которых красовался лошадиный череп, стилизованный под древнегреческий шлем. С высоты своего роста он взглянул на нахального человечешку.

– Это Ад, – в третий раз принялся объяснять архидемон. – Не центр социальной помощи. Сюда не заходят вот так просто со словами: «Я тут был неподалеку и решил, дай-ка загляну к Князю тьмы поболтать». Так не делают.

– Так не делали, – перечил человек, чем приводил демона в бешенство. – В том-то и разница. Могу я теперь пройти?

– Нет, не можешь. Сатана сейчас занят... очень занят. Не станет он бросать работу ради всяких там Томов, Диков да Иоганнов, – демон умолк ради пушшего эффекта, но на лице человека отразилось лишь нечто похожее на жалость. – Всяких там Гарри, да, вот так. Именно они постоянно требуют аудиенции.

– Правда? А я и не знал. Думал, мой визит – прецедент, уникальный случай, так сказать. Но, послушать тебя, это происходит постоянно. Что ж, вполне справедливо.

Рейтут уж было подумал, как удачно он все провернул, когда Кабал вдруг ткнул в него пальцем и выкрикнул:

– Лжец! Двуличный, вероломный, да еще и жалкий любитель и в том и в другом деле.

– Что?! – вскричал демон, генерал Орд Инферно. – Какого?! Как ты, простой смертный, смеешь так со мной разговаривать?!

Жутковатые углы его развернулись, тьма вокруг сгустилась, Рейтут навис над Кабалом подобно хищной птице.

– Я тебя уничтожу! Освежую, сдеру плоть, возьму твою трубчатую кость, сделаю из нее дудочку и сыграю на ней похоронный марш! Ибо я Рейтут Слейбут! Генерал тьмы! Предводитель Орд Инферно! Разрушитель! Расхититель невинности! Смотри на меня, смертный: я – твоя погибель!

Даже в приступе ярости демон заметил, что Кабал выглядел совершенно спокойным. И это его встревожило.

– Рейтут Слейбут, говоришь? – спросил Кабал. – А начинал ты случайно не как Плут Слайбут, Расхититель молока и Запутыватель шнурков?

Эффект оказался поразительным. В мгновение ока Рейтут Слейбут сложился, подобно огромной колоде карт, и стал одного с Кабалом роста.

– Откуда ты узнал? – поспешно спросил он.

– Я – некромант. Не поверишь, какие источники я порой раскапываю. Теперь к делу, я получу аудиенцию у Сатаны, или по Аду пройдет слух о том, что собой представляет некий демон-генерал?

«Иоганн Кабал. Иоганн Кабал. Имя мне определенно знакомо».

Князь тьмы на самом деле обрадовался возможности отвлечься от рутинных дел. Управлять толпой совершенно одинаковых душ, приговоренных к вечным страданиям, та еще морока. Он махнул смущенному, сыплющему извинениями Рейтуту Слейбуту, который тут же скрылся за тронем, и поудобнее расположился на престоле, предвкушая развлечение.

О том, что это престол, говорили лишь его размеры. По сути, это был просто большой каменный стул на конце выступа, нависающего над озером кипящей лавы. В общем, аудиенция скорее походила на беседу у камина.

Сатана удобно разместил свою громадную фигуру на незыблемом базальтовом троне, сама учтивость и гостеприимность. Каждый видел его таким, каким хотел видеть. «Ах да, точно». Князь тьмы щелкнул пальцами.

– Ну, конечно. Некромант. Теперь припоминаю. У тебя со мной контракт, не так ли? – Сатана подал знак, и на его гигантской ладони возник демон-секретарь. – Отправляйся в отдел контрактов, да побыстрее. Найди все, что у нас есть по Иоганну Кабалу, пожалуйста.

Демон сделал пометку в желтом блокноте, взмыл в наполненный серными парами воздух и исчез из виду.

– Все верно, – отвечал Кабал. – У вас моя душа. Я хочу ее вернуть.

Рейтут Слейбут расхохотался. Кабал посмотрел на него таким взглядом, от которого молоко сворачивается, и продолжил:

– Я совершил ошибку – продал вам душу несколько лет назад. Как выяснилось, ее отсутствие – непосильное бремя. Так что хочу получить ее обратно.

Рейтут Слейбут зашелся в приступе идиотского гогота. Сатана глянул на него, и архидемон тут же присмирел. Тогда Князь тьмы обратился к Кабалу:

– Видишь ли, Иоганн, есть одна проблема.

Демон-секретарь приземлился на как бы случайно подставленную ладонь Сатаны и передал ему свиток, после чего растворился в воздухе. Сатана развернул пергамент, придерживая его между пальцев, и принялся читать, при этом продолжая говорить:

– Понимаешь, как правило, я не возвращаю души – такова практика. Пойди я тебе навстречу, это создаст прецедент. Так часто бывает в подобных ситуациях. У меня в руках... – он указал на свиток пальцем, ноготь на котором был размером с хорошо подпиленный и намагниченный могильный камень, – стандартный контракт, за тем лишь исключением, что в нем есть пункт, по которому твоя душа переходит в мое распоряжение немедленно, а не по истечении срока твоей жизни или еще какого-то периода. В общем, статья Фауста, все в таком духе. Если верить моим пометкам, идея принадлежала всецело тебе.

– Я полагал, что душа не имеет отношения к моим научным изысканиям, и потому решил опытным путем установить, существуют ли различия между «я с душой» и «я без души». На собственном примере. Однако я ошибался относительно нерелевантности души. Я не могу более мириться со сторонними вмешательствами, вызванными ее отсутствием.

Рейтут Слейбут подался вперед с самым заинтересованным видом.

– Это какие такие вмешательства? – спросил он.

– Не хочу показаться бездушным, но речь о твоих вмешательствах, – некромант указал на Сатану.

Князь тьмы похлопал себя по груди и в полном недоумении спросил:

– Я? Вмешиваюсь?

– Постоянно. Извечные препоны. Глупые игры. Вмешательство, одним словом. Ты прекрасно знаешь, о чем я.

На мгновение показалось, что Сатана совершенно не понимает, о чем речь. Но затем лоб его разгладился, он кивнул.

– Твое бездушие привлекает мои аватары. Подумать только!

Кабалу, судя по всему, думать об этом совсем не хотелось.

– В особенности этого маленького человечка с большой бородой: он ужасно действует на нервы. Но это лишь полбеда. Хуже всего, что духовный вакуум внутри меня приводит к сбоям в экспериментах и аномальным результатам. Я могу дважды поставить один и тот же опыт, при этом никаких гарантий, что я получу одинаковые результаты. У меня годы ушли на то, чтобы установить причину. Теперь я пытаюсь исправить ситуацию.

Некромант не лгал Сатане, но и не говорил всей правды.

Будучи ученым, Кабал предпочитал по возможности отталкиваться от абсолютных принципов. Однако отсутствие души стало количественно измеримой помехой, в том смысле, что оно давало переменные проценты достоверности, в результате чего все исследования оказывались совершенно бесполезными. Конечно, он, как ученый, просто придирался – ему все нужно было рационально обосновывать. Иоганн Кабал понимал и принимал это и говорил об этом совершенно открыто.

Однако где-то глубоко внутри, спрятанная за семью печатями, таилась и другая причина. Зная о том, как мастерски Сатана выведывает чужие секреты, Кабал не мог позволить и грамму этой другой истины просочиться в разговор. Стоит Князю тьмы учуять лишь малейший ее запах, он набросится как собака на кость. А Иоганн вовсе не собирался этого допускать. Дело касалось его и никого больше. Поэтому он сосредоточился на научной и доказательной базе, не позволяя себе ни тоном, ни дрожью в голосе выдать ту, другую, великую истину.

Сатана изучал контракт.

– Душу ты продал для того, чтобы постичь азы некромантской науки. Если я ее верну, то взамен потребую обратно твой дар. Вероятно, тогда весь твой план рухнет, разве нет?

– Мне необходимы эти знания, – заявил Кабал. – Это не обсуждается.

Князь тьмы улыбнулся.

– Тогда мы зашли в тупик. Нельзя иметь все и сразу. Прости, такие дела.

Какое-то время Кабал прожигал Сатану взглядом, а тот продолжал как ни в чем не бывало улыбаться в ожидании дальнейшего развития событий и, сцепив руки в замок, постукивал большими пальцами друг о друга. Сложившаяся ситуация его явно радовала.

– Я... – Кабал задумался, словно имел дело с совершенно незнакомым ему понятием. – Я... – Он прокашлялся. – Я готов... заключить... пари.

Он умолк, прикидывая, правильный ли термин использовал.

– Насколько мне известно, ты славись тем, что заключаешь... пари. Так что я хочу побиться с тобой об заклад.

Сатана выжидал, но никаких деталей сделки не последовало. Тогда он подался вперед и сказал:

– Отлично. «Пари» звучит неплохо. Да. Я люблю биться об заклад. И какова твоя ставка?

Кабал растерялся при этих словах.

– Это должно быть то, чего ты прежде не делал. Есть идеи? – продолжил Сатана. – Хм-м-м. Может, мне стоит предложить условия?

Князь тьмы выдерживал паузу. Когда молчание стало уже совсем неловким, он решил расценить безмолвие своего гостя как согласие.

– Что ж, я уже сказал, что не могу возвращать души направо и налево каждому, кто пожелает, а то ходатайствам конца и края не будет. Очередь бездельников выстроится отсюда до самого Тартара. Будут тут скулить, ныть, заламывать руки – я этого уже насмотрелся. Думаю, ты понимаешь, что пари не может быть слишком легким. *Pour décourager les autres*, как говаривал Вольтер: чтоб остальным неповадно было. Следишь за ходом моей мысли?

– Да, понимаю.

– Прекрасно. Посему я предлагаю следующее: тебе предстоит возместить свою душу в моей коллекции...

– Тебе нужна другая душа взамен?

– ...в стократном размере.

– Сто душ? – Кабал пошатнулся. – Сто? За кого ты меня принимаешь – за серийного убийцу?

– Иоганн, ты меня не слушаешь. Мне не нужны тела – я хочу души. Не трупы, а обреченные на вечные муки души. Подписанные и скрепленные печатями договоры, доставленные в Ад. Бумаги я подготовлю. Достаточно даже обычных подписей, необязательно кровью. Хотя, конечно, приятно было бы видеть, что кто-то приложил усилия.

Кабал уставился в пол и задумался. Поразмыслив с минуту, он крайне неохотно промолвил:

– Полагаю, это возможно...

– И у тебя на все про все год.

Глаза Кабала, спрятанные за темными стеклами очков, превратились в щелки.

– Да ты спятил? Год? Это же невыполнимо.

– Да ладно, Иоганн. Немного твоего знаменитого красноречия, и люди сами будут хвататься за ручку, чтобы поскорее подписать контракт. Эта блистательная коммуникабельность, которую ты годами оттачивал...

– Сарказм тебе не к лицу, – парировал Кабал. – Когда я сюда отправлялся, то думал, что буду иметь дело со взрослым человеком. А что в результате? Мелкие издевки и глупые прихоти. Всего доброго.

– Пожалуй, в последнее время я и правда стал слишком капризным. Прости, Иоганн. Не хотел задеть твою гордость. Честное слово, – сказал Сатана тоном, в котором явно читалось, что на гордость Кабала, равно как и на чью-то еще, ему глубоко наплевать. – Ты мне нравишься. Не каждому хватит смелости отправиться в Ад по своей воле, без всякой на то необходимости. Но мне не хочется, чтобы ты ушел отсюда обиженным, посчитав, будто я не дал тебе высказаться. На самом деле я даже помогу тебе собрать сто душ.

Когда вместо головы у тебя лошадиный череп, сложно выказать изумление, но казалось, одна из глазниц Рейтута Слейбута все же расширилась, а бровь поползла вверх.

– Слейбут, – позвал Сатана. – Та коробка со всякой всячиной еще при тебе?

Генерал принялся рыскать во внутренних карманах, ведущих в другие измерения, а Сатана тем временем подался вперед и по секрету сообщил:

– Мы тут с генералом только что закончили весеннюю уборку. Не поверишь, сколько барахла скапливается. Не успеешь его разобрать, как все приходится начинать сначала. Покой нечестивым даже не снится.

Рейтут Слейбут вытащил откуда-то на свет пошарпанный ящик для чая и передал его хозяину. С тяжким вздохом Сатана принялся копаться в его недрах.

– Не то. Не то. Не то. Зачем мы вообще половину из этого оставили? Не то.

Князь тьмы извлек стопку папок и прочел этикетку на первой.

– А я и забыл уже об их существовании, – воскликнул Сатана. – Один из них вполне подойдет.

– Что это? – вырвалось у Кабала.

– Тебе ярмарки нравятся, Иоганн?

– Нет.

– Тогда это просто идеальный вариант. Ярмарки, бродячие цирки, парки с аттракционами и все в этом духе. За последние годы я приложил руку к созданию некоторых. Они просто великолепны. Видишь ли, люди, желающие хорошо провести время, теряют бдительность. Раз – и они уже у тебя на крючке. Превосходно. Увы, сейчас подобные развлечения не так популярны, но в стиле им не откажешь.

Сатана раскрыл первую папку и прочел.

– Цирк Кугуара и Темного. Увы, не пойдет. Его закрыли, – Князь тьмы опустил папку обратно в ящик и принялся изучать следующую. – Цирк Брауна «Знаменитый мир доктора Брауна». Что там случилось с цирком? Что произошло с самим доктором? – Сатана продолжил читать: – Ох ты, как неприятно.

– Не лучший способ разжечь во мне энтузиазм, – заметил Кабал.

Но Сатана его не слушал – он уже знакомился со следующей папкой.

– «Сад пыток доктора Дьявола», – он горделиво улыбнулся. – Невероятный успех. Мы продаем франшизу.

Кабалу это показалось добрым знаком.

– Так я могу?..

– Нет, – отрезал Сатана. – Не можешь. Слишком уж легко тебе будет. Наше пари должно представлять собой испытание, Иоганн, а не детскую игру.

Эта папка тоже отправилась назад в ящик. В руках у Сатаны осталась последняя подшивка бумаг. Взяв верхний лист, Князь тьмы продекламировал:

– График подготовительных работ. Проект «Цирк раздора».

Он перелистнул несколько страниц.

– Предложен Левиафаном, поддержан Ваалберитом. А вот это интересно, да, Слейбут? Чтобы Левиафан и Ваалберит согласились друг с другом! Вот это новость. А, теперь понятно почему. Задачи цирка: искушать посетителей с целью заставить их состязаться, спорить, богохульствовать и убивать. Типично. Только Ваалберит мог решить, что люди отправляются в цирк, чтобы устроить драку, плюнуть на Библию, а затем поубивать друг дружку. Немудрено, что проект пылился на полке. А на остальной части документа отпечатки лап Левиафана. Очень профессионально. Хотя если поставить у руля подходящего человека, из этого может получиться неплохой душекрад.

Сатана взглянул сверху на Кабала:

– Как думаешь, Иоганн? Ты – подходящий человек?

– Меня вряд ли можно назвать забавным... – начал было Кабал.

– Неужто? – перебил его Сатана, изображая самую невинность.

– ...и я совершенно не представляю, на чем строится цирковой бизнес. Да и потом я необщительный. По правде говоря, мне твое испытание кажется не совсем честным.

Повисло долгое молчание.

Добродушие и расположение Сатаны (как это часто случается с административными чинами) заканчивались в тот самый миг, когда ему бросали вызов. Он соорудил жуткую мину монстра, улыбка слетела с его губ со скоростью натертого салом поросенка, скользящего по крыше церкви. Всего за несколько секунд лавовое озеро остыло – пылающая красная масса посерела, а затем стала совсем черной. Заметно похолодало. По каменным стенам поползла паутина инея.

– Не совсем честным... – повторил Сатана: в голосе его не осталось и следа радушия, ни намек на приятельские отношения. – Не совсем честным?!

Теперь это был голос Инферно – стремительный рокот и леденящее душу завывание зла, которое проносилось под сводами огромной пещеры, подобно мчащемуся на лыжах духу зимы Вендиго.

– Я – Сатана. Также имя мне Люцифер, или Носитель света...

Кабал поморщился. И почему дьяволам всегда нужно пересказывать свою историю?

– Сам Господь Бог низвергнул меня в эту темную, наполненную серными парами яму и приговорил к вечному здесь пребыванию...

– А прощения попросить ты не пробовал? – прервал его Кабал.

– Нет, не пробовал! Меня изгнали из Царства Господнего за грех гордыни. Моя репутация будет подорвана, если я пойду извиняться!

– У меня тоже есть чувство собственного достоинства. Тем не менее ты поручаешь мне глупейшего рода задание и предлагаешь превратиться в директора балагана, почитай что шута. И где здесь справедливость?

Сатана откинулся на троне. Тихим голосом, как человек, который вот-вот собирается прервать аудиенцию, он сказал:

– Глянь на досуге в словарь, смертный, и посмотри значение слова «сатана». Ты найдешь там определения вроде «основное зло», «олицетворение порока», «искуситель». Если же тебе попадутся слова вроде «отличный парень», «славный малый» или «воплощение справедливости», рекомендую тебе обзавестись новым словарем. Итак, ты принимаешь условия сделки?

Кабал задумался.

– Сто душ?

– Верно.

– За один год? К полуночи, в следующую Вальпургиеву ночь?

Сатана взвыл.

– Вот черт, неужели сегодня Вальпургиева ночь? Правда? Так и знал, что забыл что-то. Я же должен быть на земле и выплясывать с ведьмами! – губы его скривились, лицо приобрело

воинственное выражение. – В этом году меня совершенно нельзя беспокоить – пусть этим занимаются аватары. Итак, что ты там говорил? Ах да. К полуночи, в следующую Вальпургиеву ночь. Все верно.

– И я получаю цирк?

– Именно так.

– Что, если мне не удастся?

– Меня это мало волнует. Пожалуй, я мог бы... – Князь тьмы огляделся в поисках вдохновения, – забрать твою жизнь. Звучит вполне справедливо. По моим меркам.

Кабал недоверчиво уставился на Сатану.

– Другой сделки не будет, Иоганн Кабал. Соглашайся или уходи.

Замерзшее лавовое озеро постепенно оттаивало.

Кабал смотрел по сторонам и пытался найти решение. Откажись он заключать пари, и его научные изыскания не дадут никаких результатов. Хуже того, даже если по какой-то случайной случайности, несмотря на отсутствие души, он добьется успеха, толку от этого все равно не будет. Если же он согласится на сделку и проиграет, то окончит свои дни в месте вечных страданий, явно придуманных недалеким средневековым монахом.

Кабал цокнул языком. Выбора совсем не было. Он кивнул:

– Я принимаю предложение.

– Отлично. Превосходно.

Некроманту едва удалось увернуться от гигантской папки, которую ему швырнул Сатана.

– Вот твой цирк. И твой бюджет, – Князь тьмы сжал руку в кулак, пока ногти не впились в ладонь.

На пол скатилась единственная капля черной крови и превратилась в блестящую ледяную сферу размером с медицинский мяч.

– А вот твой год, – Сатана щелкнул пальцами второй руки – и появились песочные часы.

Князь тьмы перевернул их и водрузил перед Иоганном.

– Наслаждайся отведенным временем в добром здравии. А теперь – пшить с глаз моих.

Ты мне надоел.

– Постойте. – Сомнения Кабала переросли в подозрения.

Он ткнул пальцем в сферу и спросил:

– Что значит «бюджет»?

– Цирк раздора так и не ввели в эксплуатацию. На проект выделили материалы, но не человеческие ресурсы. Все есть в папке. В кровавой сфере заключены моя дьявольская сила и влияние. Каждый раз, как ты воспользуешься шаром, он будет уменьшаться в размерах. Так что действуй с умом, Иоганн Кабал. А теперь... – сказал Сатана безапелляционно, – аудиенция окончена.

Князь тьмы вновь щелкнул пальцами – и в тот же миг Кабал оказался в другом месте.

Глава вторая

В которой Кабал упражняется в чтении карт и встречает старого знакомого

Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулись Равнины. Неописуемо плоские, непередаваемо скучные, они располагались не очень высоко над уровнем моря, и жить там было не слишком комфортно. Поля вот-вот готовы были превратиться в болота, а некоторые территории уже постигла эта участь. Покосившиеся деревянные заборы лишь приблизительно отграничивали один неприглядный участок от другого. Каменные стены здесь не приживались: они тут же начинали проседать. В трех направлениях, сколько ни вглядывайся, не поймешь, где заканчивается серая земля и начинается серое небо. В четвертом – вдаль убегала земляная насыпь и терялась у горизонта.

Кабал удивился тому, что его забросило в это унылое мрачное место. Он оборачивался, словно мужчина, который зашел по ошибке в женский туалет. Несколько мгновений потребовалось на то, чтобы осознать – он больше не в Аду. Когда он наконец понял, что его бесцеремонно переместили, то изрек грязное ругательство на языке, мертвом уже восемь тысяч лет, умудрившись проявить себя одновременно эрудитом и грубияном.

Опустив саквояж на землю, Кабал похлопал шляпой по одежде, выбивая остатки серного дыма, и раскрыл папку. Под верхними страницами нашлась карта местности – Кабал извлек ее и убрал папку. Какое-то время ушло на то, чтобы сориентироваться. Когда нет ни компаса, ни солнца в небе, карта Равнин может выглядеть совершенно по-разному, если ее вращать. Однако в случае Кабала она, напротив, оставалась неизменной, как бы он ее ни крутил.

Некромант обнаружил несколько проселочных дорог: они шли по прямой, а затем обрывались – видимо, прокладывавшие их люди вдруг решили, что нет никакого смысла притворяться, будто дороги эти когда-нибудь кому-нибудь пригодятся. Поэтому их закончили странными маленькими завитками, словно так изначально и планировалось. Лишь земляная насыпь выделялась на фоне удручающего пейзажа, но на самой карте ее, увы, не оказалось. В конце концов, издав с десятков-другой сердитых и слегка наигранных вздохов, Кабал заметил тонкую пунктирную линию, обозначенную на карте «Маршрут будущей железнодорожной ветки». Красный крестик, которым, скорее всего, отметили пункт его назначения, лежал прямо на этой линии. Однако она была настолько неяркой, что некромант прежде ее не заметил.

Ну, конечно, решил он: карта старая – железнодорожную ветку построили позже. Земляная насыпь и есть железнодорожное полотно. Все просто. Довольный своими выводами, Кабал повернулся, чтобы поднять саквояж, и тут обнаружил, что уже не один.

Двое мужчин совершенно сомнительной внешности разыгрывали пантомиму под названием «Кража». Наверное, если заглянуть в иллюстрированный словарь, то под словом «сомнительный» окажется фотография одного из этих двух. А то и обоих сразу. Ведь если какой-то детали, создававшей образ исключительной неблагонадежности, не находилось у одного, она непременно встречалась у второго. Первый мужчина был сальным коротышкой. Второй, повыше, выглядел так, словно его мать поклевал, причем довольно сильно, страдающий паршой стервятник. Мужчины ухмыльнулись, и Кабал едва сдержал вздох, настолько патетично и предсказуемо развивались события. Что ж, ладно. Лучше поскорее с этим разделаться.

– Могу я вам помочь, джентльмены? – спросил он совершенно серьезно.

– Ух ты, он назвал нас дженлеменами, Деннис, слышал, а? – подал голос коротышка.

– Ху-ху. Дженлемены. Ху-ху, – гоготнул высокий по имени Деннис, который в этом дуэте, похоже, играл роль простофили-дурачка.

– Галанно, а? О, как галанно. Хо. Говорит с нами как с дженлеменами.

– Дженлеменами, ху-ху. Очень галанно, Дензил, – кивнул Деннис и улыбнулся во весь рот, демонстрируя ужасное состояние зубов.

Кабала это начинало раздражать. Время поджимало. Уж лучше бы они поторопились и принялись его грабить.

– Ну-с, – начал Дензил, который был мозгом всей операции. – Мы тут вот гадали, а пошлину-то ты уплатил, а?

– Ну а как же, – отвечал Кабал: когда ситуация того требовала, он мог выдавать откровенную ложь с лицом истинного ангела. – Конечно, я заплатил возле заставы.

Деннис и Дензил оторопели. Они несколько недель репетировали свое преступление: рисовали диаграммы на доске, создавали модели, где фигурки – оловянный индеец из племени сиу, медведь с парой музыкальных тарелок и лама – изображали их самих и потенциальную жертву. Но, похоже, подобное развитие событий в их стратегиях ни разу не всплывало.

– Нету никакой заставы, – пробормотал Дензил.

– Нет? Но тогда о какой пошлине идет речь? – поинтересовался Кабал, проявляя невероятную иррациональность, совершенно несвойственную его исключительно рациональной натуре.

Он понимал, что утром пожалеет об этом, но сейчас больше всего ему хотелось поскорее покончить с представлением.

Деннис медленно качал головой, прокручивая запасной план. Они его не составили, так что времени это заняло немного. То есть они, конечно, собирались придумать план Б, и неоднократно, но каждый раз им тут же в голову приходила идея напиться. Даже если однажды они умудрились составить запасной план – чему не осталось ни единого свидетельства, – то они его благополучно забыли где-то после десятой пинты. Потеря, однако, была не велика: прежде они запросто обходились без плана Б. Им и план А-то не пригождался, ибо работал он только при условии, что им удастся найти жертву. А на пустых дорогах Равнин редко кто попадался. И вот теперь, когда совершенно неожиданно появилась реальная живая жертва, все недочеты их плана вылезли наружу.

Деннис снова потряс головой, но, когда мыслительные процессы потихоньку включились, он тут же решил, что лучше бы они поскорее прекратились, так как мысли напоминали ползающих в банке из-под джема червей. В этот самый момент на помощь пришло остроумие Дензила.

– Мне по фигу, что нету никакой пошлины. Мы тебя все равно ограбим.

Мужчина вытащил короткий ржавый нож и пихнул локтем Денниса, заставляя того достать свое оружие. Вот теперь все стало на свои места. Им и раньше приходилось убивать, и каждый раз они выходили сухими из воды. Если это мелкое ссыкло не начнет выворачивать карманы сию секунду, что ж, придется им снова побегать от виселицы, и пусть дьявол беспокоится о последствиях.

– У меня нет денег, – честно признался Кабал, пожимая плечами.

Дензил ткнул пальцем в сумку.

– А там что?

Бывают моменты, когда тонкая паутина возможностей, на которой мы висим над пропастью неизведанного, вдруг растягивается и рвется в некоторых местах. Для Денниса и Дензила как раз наступил подобный момент. Паутина их стала прозрачнее и тоньше в тот момент, когда Кабал поднял свой саквояж.

– Ничего, что вам бы понравилось. Я – ученый. В сумке мое оборудование.

– Чучелый? – простонал Деннис и, положив руку на плечо Дензилу, добавил: – Не будет у него денег. Ну же, Дензил, пойдем отседава.

Паутина принялась уплотняться и заполнять прорехи. Однако Дензил решил, что Кабал ему совсем не нравится. Даже если у этого ученого не было того, что им нужно, Дензил все равно, черт подери, собирался это забрать. Он резко сбросил ладонь Денниса с плеча.

– Нет уж. Гони содержимое, ты, бледнолицый придурок. Чего бы там ни было. Открывай чертову сумку, пока я тя на ремни не пустил.

Паутина вновь принялась истончаться, словно пузырь, который надули слишком сильно. Кабал поджал губы и раскрыл саквояж. Паутина рвалась от одного конца к другому. Деннис и Дензил еще не догадывались, но оба они были обречены.

Кабал запустил руку в сумку и вытащил человеческий череп. Деннис и Дензил отшатнулись. На мгновение некромант задумался, как он объяснит им, для чего таскает с собой череп банковского клерка, но потом решил, что не стоит этого делать.

– Это *memento mori*, – продекламировал он и уже готовился услышать в ответ: «Нет, это просто череп», а потому поспешно добавил: – Напоминание о смерти. О том, что все мы пришли из праха. И прахом обернемся.

Последнюю фразу Кабал произнес с намеком, но парочка воров была очень занята тем, что разглядывала череп, поэтому смысловые нюансы они явно не уловили. Тогда некромант убрал череп и достал плоский кожаный футляр. Он раскрыл его – внутри оказались скальпели и зонды.

– Это мои хирургические инструменты.

– Доктор, что ли? – спросил Дензил, прикидывая, сколько могут стоить эти штуковины. Кабал спрятал футляр.

– Не совсем. Вот здесь... – Он извлек на свет коробку размером с чехол для бинокля, обитую тканью внутри и снаружи. – В этих фиалах пробная партия 247.

Большим пальцем некромант открыл замок и продемонстрировал несколько закупоренных пробирок, запечатанных воском, на котором людям с особо богатой фантазией мог помешаться любопытный символ.

Дензил сообразил, что после такого предприятия им не удастся отойти от дел.

– Чего это стоит?

Кабал закрыл ящик и убрал подальше.

– Если не знать, как пользоваться, то грош им цена. И, наконец, – он покопался в недрах саквояжа, – «уэбли» калибра 577.

Некромант вытащил самый огромный револьвер, который Дензилу и Деннису когда-либо доводилось видеть. Деннис обрадовался.

– Ух ты, вот эта штуковина чего-то да стоит, а? А, Дензил? – он повернулся к напарнику, но Дензил уже сверкал пятками, улепетывая настолько быстро, насколько его несли ноги.

Где-то глубоко в рептильной части мозга Денниса зародилось чувство опасности. Оно не уменьшилось, даже когда пуля попала ему в спину. Пока Деннис падал, а его и без того скромная мозговая деятельность угасала, Кабал целился в убегающую фигурку Дензила. Первый выстрел угодил в камни, там, где еще секунду назад была нога Дензила. Некромант поднял руку чуть выше и выпустил еще одну пулю. Дензил рухнул как подкошенный.

Потребовалось время, чтобы найти место, где чахлые заросли кустов вдоль насыпи отступали. Затем Кабалу пришлось продираться сквозь ежевику, и только тогда он оказался на вершине. Как он и предполагал, здесь проходила «будущая железнодорожная ветка», упоминаемая на карте. Взглянув на кошмарное состояние линии, Кабал задумался о том, насколько старой была карта: рельсы покрывал толстый слой прочно осевшей ржавчины, шпалы прогнили от плесени и обросли грибами, на путях вымахали сорняки и молодые деревца по пояс. Некромант вновь сверился с картой. Отсюда открывался неплохой обзор, и ему наконец удалось разглядеть несколько, так сказать, местных ориентиров: пруды, болота, дорожные раз-

вилки. Он повертел карту под разными углами, пока не определил свое местоположение, затем встал лицом на север и посмотрел прямо вдоль железнодорожных путей туда, где на карте значился загадочный крестик. Растительность

в том направлении выглядела еще более густой: довольно высокие деревья начинались на самих рельсах и спускались вниз по насыпи с обеих сторон, образуя рошу. Кабал надеялся, что там и прячется его цирк.

Решительным шагом он направился в сторону деревьев, но не успел пройти и нескольких метров, как за спиной у него раздались звуки, как будто что-то тяжелое упало на рельсы. Кабал обернулся и рывкнул:

– Не отставать! У нас нет времени прохлаждаться.

Дензил несколько раз моргнул, переводя взгляд с некроманта на своего товарища, который пытался подняться на ноги, но не мог – ему мешала шпала, за которую он зацепился. Немного погодя до Дензила дошло, что он может помочь Деннису, если будет методично пинать его в пятку, пока нога не освободится. Медленно и точно прицелившись, он хорошенько замахнулся, промазал и сам повалился на спину. Дензил непонимающе моргал и глядел в серое небо. Теперь, когда он умер, справляться с некоторыми делами было не так-то просто.

Кабал достал из кармана черную книжицу, вытащил из корешка карандаш и сделал пометку. Партия 247, похоже, начинала действовать быстро, но координацию она ничуть не улучшала. Запоздало некромант подумал, что ему, возможно, стоило забрать их души более формальным образом, положив начало сотне. Однако он точно не знал, как именно забирают души более формальным образом. Но, главное, уж очень эти двое его бесили.

– Я буду там, – он махнул в сторону деревьев и убрал блокнот. – Догоняйте, как сможете. «Увы, на это, – грустно подумал он, – может уйти много времени».

По мере того как Кабал приближался к роше, он заметил, как далеко она простирается – где-то на четверть мили. Учитывая, насколько чахлыми и низенькими были растения вокруг, пышность деревьев в роше казалась подозрительной. Повсюду торчали разве что зубочистки, а здесь вздымались мощные, словно выведенные черными чернилами, стволы. Голые ветви цеплялись за небо, а людям с фантазией растрескавшаяся кора могла показаться человеческим лицом, скривившимся от боли.

– Наверняка это то самое место, – прошептал Кабал. – Боже, как напыщенно.

На ближайшем дереве, которое раньше, до того как его стали поливать ЛСД, вероятно, было вязом, сидела черная ворона и с любопытством разглядывала Кабала. Она наклонила голову и с издевкой каркнула. Затем птица заметила Денниса и Дензила, ковыляющих вдоль путей в ста ярдах позади. Предвкушая трапезу, она слетела с ветки и отправилась на разведку.

Кабал миновал замученный вяз, перешагнул через корни лещины, которая выглядела так, словно была плодом фантазий сумасшедшего, и столкнулся лицом к лицу с Монстром.

Некромант резко выдохнул. Его всегда бледное лицо вдруг на мгновение стало безобразно серым, но он тут же взял себя в руки. Кабал не двигался, старался не дышать и никоим образом не выдать себя огромному черному Зверю. Потом он глубоко и судорожно вдохнул, сделал шаг вперед и приложил ладонь.

Для этого ему, правда, пришлось встать на предохранительную решетку локомотива.

Такого поразительного образца инженерного искусства Кабалу еще не доводилось видеть, а он на своем веку повидал их несколько. Гигантский локомотив, чья топка давно не знала огня, эгоистично требовал к себе почтения и неизменно его получал даже здесь, посреди мертвого, заброшенного леса. Некоторые детали были сделаны нарочито под Дикий Запад – например, предохранительная решетка и рифленая труба. Но в целом поезд был скорее из Старого Света – агрессивно квадратный, готовый переправить сколь угодно много вагонов отсюда в самую преисподнюю. Не исключено, что ему это было вполне под силу. Кабал одобительно кивнул: может, он и не инженер, но работу мастера видит сразу.

Судя по всему, все создания в округе тоже это понимали. Для любой птицы, страдающей недержанием, локомотив мог стать отличным насестом, и все же на его корпусе виднелись лишь следы странной черной ржавчины и никакого помета. Кабал провел пальцами, и на кончиках остались крупинки сажи. Некромант осторожно понюхал. Тут же ему вспомнились веселые вечера в подвале, когда он распиливал улики и бросал их в очаг – только бы успеть до приезда полиции. Некромант поправил сползшие на кончик носа очки и задумчиво моргнул. На каком топливе ездил этот поезд? Оставалось надеяться, что на дереве или угле – так будет гораздо удобнее.

Позади Кабала поднялась суматоха, и он обернулся. Ворона уселась на голову Дензилу и пыталась перекусить. Особенно ей приглянулась одна глазница. Несчастный мертвец опустил голову, вытянул руки и неуклюже выписывал круги, пытаясь сбросить птицу с головы. Но ничего не выходило – ворона вцепилась в него мертвой хваткой. От Денниса толку было мало: он вывернул из земли чахлое деревце и пытался согнать ворону, однако вместо этого удары приходились на спину Дензила и даже близко не попадали по цели, зато земля с корнями летела во все стороны.

– Прекратите! – рявкнул Кабал.

Мертвецы и ворона замерли. Деннис попытался спрятать деревце за спину.

– Ворона, сюда. Иди сюда, – приказал некромант.

Несмотря на то что птица слетела с Дензила, спикировала вниз, почти коснувшись земли, затем снова набрала высоту, легко проскочила между ветвей и приземлилась на плечо Кабалу. Некромант развернулся на каблуках и зашагал вдоль локомотива к прицепленным вагонам.

– Скоро тебя покормят, птица, так что не устраивай больше беспорядков, хорошо?

Ворона моргнула.

– И, кстати, если ты когда-нибудь нагадишь на меня, в два счета окажешься у таксидермиста. Поняла?

– Кар-р-р, – сказала ворона, что могло означать: «Да, хозяин» или равно «Придется тебе меня сперва поймать, голубчик». Как бы то ни было, за своими позывами она следила строго.

Кабал медленно шагнул вдоль поезда. Здесь было несколько пассажирских вагонов, ряд платформ, заполненных ярко разукрашенными щитами, а в самом конце довольно много наглухо закрытых товарных вагонов. Остановившись возле отъезжающей двери, что тянулась на четверть вагона, Кабал задумался, как же ее открыть. Вдруг панель отъехала сама собой, издав жуткий скрежещущий звук ржавого металла.

– А, это ты, – произнес Кабал, совершенно не впечатленный увиденным.

Маленький Старикашка закончил возиться с дверным замком и посмотрел на него из вагона.

– Он самый. Ты не особо торопился, юный Кабал.

Некромант поставил ногу на металлическую ступеньку, ухватился за поручень рядом с дверью и подтянулся. Ворона взлетела с его плеча и уселась на ближайшую стойку отрабатывать наблюдательность и особо пристальный взгляд.

– Тебе вообще повезло, что я сюда добрался. Карте грош цена, – сказал Кабал, стряхивая ржавчину с ладоней и плеч в том месте, где он прислонился к дверному косяку.

Посмотрев на Старикашку, он добавил:

– Думал, Сатана пошлет кого-то другого, а не тебя, норовистый ты старый ублюдок.

Мужчина засмеялся. Скорее даже закудахтал.

– Ну, мы с тобой старые друзья. Его Греховничество решило, тебя порадует знакомое лицо.

Кабал оглядел мрачный интерьер вагона.

– Только если я буду знать, что, проделав дыру в этом знакомом лице, смогу что-то изменить, – ответил он пренебрежительно.

Маленький Старикашка на самом деле не был ни маленьким, ни даже человеком, хотя лет ему определенно стукнуло немало. Он представлял собой воплощение архетипа: пожилой дедок в плоской кепчушке с седой бородой. Он кудахтал, курил вонючие самокрутки, а если был в форме, то и слюни пускал. Благодаря таким, как он, молодость всегда оставалась в моде. Кроме того, он представлял одну из многочисленных аватар Сатаны. Это были фрагменты личностей и отдельных мыслей Князя тьмы, которые принимали определенную форму в мире смертных. Аватары позволяли ему в фоновом режиме наблюдать за тем, что нечисть творит на земле, пока он решал куда более важные вопросы в самом Аду. Например, играл в криббидж. До недавнего времени Кабал мог связаться с Сатаной лишь через Маленького Старикашку. Именно этой сущности он продал свою душу несколько лет назад. Именно эта сущность раз за разом злостно вмешивалась в его исследования, чем перечеркнула результаты огромного количества экспериментов.

Маленький Старикашка уселся на ящик и наблюдал за тем, как Кабал обследовал темные углы вагона.

– Иоганн, право, я обижен, – заметил он радостно. – После всего, через что нам пришлось пройти.

Закончив беглый осмотр, Кабал вернулся к своему собеседнику.

– Все, через что нам пришлось пройти? Скорее уж, все, через что ты заставил меня пройти. Не купи ты тогда у меня душу, не надоедай все это время своими появлениями, ничего этого... – он обвел рукой поезд, – не понадобилось бы.

Маленький Старикашка пожал плечами:

– Я всего лишь выполнял свою работу. Нельзя ждать альтруизма от помощников Сатаны.

Кабал вздохнул:

– Я бы с радостью сказал, что в восторге от твоего появления, что оно придает мне сил, но тогда придется лгать.

– Знаю.

– Может, тогда мы немного ускоримся и поживее разберемся со всеми формальностями? Чтобы ты уже исчез с глаз моих. В конце концов, у меня очень плотный график.

– График, точно. – Маленький Старикашка поднял указательный палец. – Хорошо, что ты мне напомнил. Тебе понадобится вот это.

Он засунул руку в карман своего грязного потертого пальто и вытащил песочные часы сантиметров тридцать в высоту. Вместо песка в них содержался тонко измельченный порошок. Крохотные пылинки скользили из верхней половины через узкое горлышко в нижнюю камеру. Поток пылинок беспрепятственно тек вниз, но при этом дно песочных часов казалось едва присыпанным.

– Часы показывают, сколько времени у тебя осталось. Ты же понимаешь, как они работают?

Кабал выразительно посмотрел на Старикашку.

– Ну, конечно, понимаешь. Ты же у нас умный парень. И все же. Когда все гранулы из верхней чаши окажутся в нижней, твое время вышло. Все просто. Только помни. Это не настоящие часы, не те, что лучшая часть меня держит там, внизу, в горячем местечке. Это просто модель, передатчик, так сказать. Можешь с ними что угодно делать, на отведенном тебе времени это никак не скажется. Смотри, – он перевернул часы – теперь пылинки сыпались вверх.

Маленький Старикашка наклонял часы в разные стороны, но ничего не менялось. Время по-прежнему шло, гранулы, словно боясь гравитации, продолжали свое размеренное движение.

– Чудно, правда? Пользуется ошеломительным успехом на вечеринках, уж поверь мне.

– Серьезно? – Кабал взял часы. – Придется устроить суаре, просто чтобы друзья поахали.

– У тебя нет друзей.

– И суаре я устраивать тоже не собираюсь. Ты не очень-то разбираешься в сарказме, да? Итак, порадуешь меня еще чем-нибудь впечатляющим или можно уже спустить твою морщинистую тушу с насыпи? У меня давно руки чешутся.

Маленький Старикашка насупился:

– Грубиян.

– Твой... – Кабал задумался в поисках подходящего слова, – ...создатель поручил мне отправить сто душ к нему на вечные муки. Честно? Не думаю, что мое имя когда-либо станет синонимом благовоспитанности и добросердечия.

– Вот тут ты прав. – Мужчина принялся рыскать в своем просторном бесформенном пальто и наконец извлек плоскую коробку для документов размером с шутовской колпак, но всего лишь дюйм в высоту. Он размотал тонкую черную тесемку, которая запечатывала коробку, снял крышку и продемонстрировал Кабалу содержимое. Внутри лежала пачка формуляров, напечатанных на желтоватом пергаменте. Некромант наклонился вперед и прочел верхнюю строчку.

– «„Добровольное согласие на вечные муки“. Заполняется проклятым. ЕАГХ/И». – Кабал выпрямился. – Узнаю руку Артура Трабшоу.

– Ты абсолютно прав, – отвечал Маленький Старикашка. – Сто форм должны быть полностью заполнены и сданы чуть меньше чем за год. Ну как, готов, Иоганн? Сдюжишь? – он передал коробку.

Некромант взвесил ее в руке и огляделся.

– Не уверен. Я согласился на это пари, полагая, что в моем распоряжении будет «Цирк раздора». И что я вижу? Лавка старьевщика на колесиках. Передай Сатане: не будет цирка – не будет сделки.

– Нет цирка? Нет цирка?! Да вот же он! Вагоны на ходу. Величайшее шоу на земле! Используй воображение, не скупись!

– Воображение? Да мне придется наесться галлюциногенных грибов, чтобы поверить, будто этот хлам некогда был величайшим шоу на планете.

Маленький Старикашка слез с ящика, подошел к дальней стене. Он тряс головой и бормотал что-то про современную молодежь. У стены стояли широкие деревянные панели, наполовину закрытые брезентом. Убогим театральным жестом Старикашка стянул брезент, и взору некроманта предстали вывески – пошарпанные, с облупившейся краской, но все же вывески.

– Вот, пожалуйста. Твои представления. «Подходите! Смотрите! С таинственного Востока! Загадочная Клеопатра! Три тысячи лет в гробнице, но она до сих пор остается первой красавицей в мире!» Ну как тебе? А это что такое? «Любуйтесь! Мальчик с лицом летучей мыши! Прямоком из самых мрачных джунглей!» У-у-ух! Страшно, да?

– От одного обилия восклицательных знаков сердце в пятки уходит.

– Так принято. «Дивитесь! Девочка – блин!» Что-то тут не так. – Старикашка провел пальцем по расслоившейся краске. – Здесь явно должно быть: «Девочка – гоблин». А нет, и правда написано: «Девочка – блин». Что ж, это привлечет толпу. – Старикашка уверенно кивнул Кабалу.

Терпение некроманта давно иссякло: он устал слушать чепуху, которую молот Старикашка. Он стоял у открытой двери и смотрел, как Деннис и Дензил ужасно медленно тащатся вдоль путей, хотя его это едва интересовало.

– Ну, конечно, – бросил он через плечо. – Ради такого публика потянется из соседних городов. «Собирайтесь! Подходите! Крупнейшая в мире коллекция допотопных вывесок! Любуйтесь старьем. Изумляйтесь грамматике! Восхитительное шоу! С этим сравнятся лишь волосы в вашем пупке». Придется отбиваться от них палкой.

Маленький Старикашка сощурился и задумался:

– Сарказм, да?

Кабал снова выглянул из вагона и осмотрел Равнины. Какая теперь разница. Все это очередная глупая шутка Сатаны. Какого черта он вообще об этом думает!

– Именно, – ответил некромант. – Сарказм.

Он развернулся и прошествовал к груде вывесок.

– Какой толк во всем этом, если нет работников? И откуда им взяться?

Раздавшийся звук заставил их обоих повернуться к двери. Деннис наконец-то доковылял до вагона и думал, как лучше забраться внутрь, но тут Дензил, которому, к его большой радости, удалось словить ритм и выработать шаг, но который еще не успел оценить все сложности, связанные с необходимостью остановиться, врезался в своего товарища. Оба покатались вниз и исчезли из виду. Спустя мгновение раздались звуки медленных выверенных ударов.

– Ну, по крайней мере, никого достойного, – поправился Кабал. – Если мне не дадут людей, не стоит и пытаться что-либо сделать с этим безобразием под названием цирк. Можешь сразу же забрать контракты.

Маленький Старикашка закудаhtал:

– Иоганн, как ты можешь так говорить? Неужели тебе не хочется испытать свои силы? Где твоя жажда приключений?

– Ее легко погасить, если начать делать из меня дурака.

– Но тебе дали людей. Ну, в некотором роде. Оглядиись.

Кабал осмотрелся. Он по-прежнему был один в грязном пыльном вагоне, если не считать сомнительной компании Маленького Старикашки.

– Ну смотрю. И вижу только кандидатов на свалку. К чему ты клонишь?

Старикашка вышел в центр вагона и развел руки, указывая на все, что находилось внутри. Подобный театральный жест пришелся бы как нельзя кстати в музыкальной комедии. Легкой музыкальной комедии.

– Вот они – твои люди. Вокруг тебя. – Аватар Сатаны вытащил из ближайшей коробки кость, в которой Кабал тут же узнал бедренную кость человека.

– Вот они – твои монтажники. – Старикашка бросил кость и вытащил из мешка клочок волос. – А вот твои зазывалы.

Он положил руку на рулон ткани, прислоненный в углу.

– А вот продавцы в ларьки. Здесь весь твой персонал. Просто включи... – Старикашка постучал по виску, – воображение.

Кабал подошел ближе и обследовал рулон ткани.

– Что ты хочешь сказать? – он внимательно оглядел материал и слишком поздно понял, что это было на самом деле.

– Это же... – сухо произнес некромант, – человеческая кожа.

Ответа не последовало. Кабал обернулся, но Старикашки уже и след простыл.

«Великолепно, – подумал Кабал. – Даже инструкции не оставили».

Некромант вытащил из кармана небольшой черный предмет и нажал кнопку на корпусе – выскочило лезвие. От одного его вида мурашки бежали по коже. Кабал раскатал часть темного рулона и отрезал длинную полоску. После он взял комочек волос из мешка, тряпку из бочки и в самую последнюю очередь бедренную кость. Некромант аккуратно примотал волосы к кости при помощи куска тряпки.

– Ткань, кость, прядь волос, – тихо напевал он, оборачивая конструкцию кожей. – Терпеть этого не могу.

Кабал огляделся в поисках свободного места.

– Призываю тебя, – произнес он и швырнул бесформенную массу на пол.

В Аду слегка уменьшился в размерах шар черной крови.

Конструкция развалилась, еще не коснувшись пола. Она ударилась о доски как-то неестественно сильно. Сперва приземлилась кость, замерла и встала вертикально. На нее налетела

кожа и принялась плотно обматывать кость, да так, что мгновение спустя стыки были уже незаметны. Кость пошатывалась по мере того, как из нее выстреливали и вытягивались новые кости. Но не успевали они проклюнуться, как их тоже оборачивало кожей. Поверх этого растущего биологического материала примостился клочок волос, съехал набок, а затем и вовсе скатился на пол. Снова и снова шевелюра пыталась занять законное место наверху, но каждый раз была обречена падать. Тряпка быстро вращалась вокруг всей конструкции – Кабал не успевал следить за ней, но казалось, что цвет ткани изменился. Теперь у груды костей формировался хребет – каждый отдельный позвонок появлялся на свет с громким хлопком. Когда грудной отдел был полностью закончен, выросли ребра, будто кто-то открыл зонтик, с которого сдуло ткань. Кожа поднималась, словно темная жидкость в стакане, и скрывала внутренности, прежде чем некромант успевал их рассмотреть. Подобно лезвию перочинного ножика, в сторону выскочили руки. Кабал тут же опомнился и спрятал свой складной нож. Продолжая вращаться, тряпка накрывала готовое тело, и там, где она касалась кожи, появлялась одежда. Словно хлеб из тостера, выскочил жутковатый череп с полоумной улыбкой, на которую способны лишь черепы. На него тут же набросилась кожа, поглощая желтовато-белую кость, – так вода обрушивается на камень во время прилива. Она ползла вверх до тех пор, пока не сомкнулась на макушке. Но даже тогда череп продолжал несносно ухмыляться.

Напротив Кабала стоял человек, которого не существовало еще минуту назад: немного ниже ростом, чем сам некромант, чернокожий, анорексично тощий, одетый в черные брюки, белые ботинки, черные гетры, белую рубашку и, в довершение всего, в блестящий черно-белый полосатый жилет. В руке он держал соломенную шляпу с желтой лентой. Мужчина нахлобучил ее на голову как раз в тот момент, когда ком волос устремился вверх, желая занять место на совершенно лысой макушке. Несколько волосков порхнули ко лбу и превратились в брови. Остальная же часть недолго балансировала поверх шляпы, после чего безжизненно рухнула на пол. Мужчина наблюдал за ее падением с нарастающим ужасом. Он вдруг все понял, быстро поднял шляпу и пощупал череп. С огромным разочарованием он обнаружил, что лыс, а макушка его может посоперничать в гладкости с бильярдным шаром.

– О нет, – простонал он. – О черт, – из груди его вырвался вздох отчаяния. – Вот дерьмо.

Мужчина обследовал свое тело, запястья, затем поднял глаза на Кабала и посмотрел на него так, словно все пропало. Тут он забежал по кругу с криками: «Зеркало, черт возьми! Здесь должно быть зеркало!»

Кабал наблюдал за тем, как он мечется. Мужчина откопал фрагмент посеребренного стекла, заляпанного грязью. Вполне возможно, когда-то оно и было зеркалом. Мужчина поднес его к лицу и, не веря своим глазам, принялся тереть поверхность. Но отражение от этого лучше не стало.

– Посмотри на меня, – запричитал он. – Да ты только глянь. Ты создал самого тощего парня на земле!

– Ничего подобного, – раздраженно возразил Кабал: людей хлебом не корми, только дай покритиковать. – Я просто призвал тебя. Таким уж ты уродился. Нечего винить меня за свои физические недостатки.

– Но, но... – Мужчина поставил зеркало и двинулся к Кабалу, сдабривая каждое слово выразительным жестом. – Ты выбирал компоненты, черт тебя подери. Где мой жир?

– Жир? – Некромант вдруг осознал – кое-что он не предусмотрел. – Ткань, кость, волосы. Стандартный набор. Никто никогда не упоминал жир.

Анорексично тощий мужчина негодуя замахал руками. Быстро осмотревшись, он в нескольких широких шагах пересек вагон и остановился в углу. Мужчина схватил ящик и вытащил его на свет. Трафаретными буквами на боку значилось «Жир».

– Всего один кусочек – этого было бы достаточно, разбери тебя. Большого мне и не нужно! Мог бы стать симпатичным парнем. Но нет, я – мешок с костями.

Мужчина умоляюще уставился на Кабала. Тот посмотрел в ответ – лицо его не выражало и толики сочувствия.

– И что теперь, Костлявый? Чего ты от меня ждешь? Может, раствор растопленного масла внутрененно?

– А это работает? – В голосе Костлявого прозвучала жалкая надежда.

– Нет, конечно. Слушай, меньше чем через год все это... – он обвел рукой вагон, – исчезнет, и ты, мой тщеславный друг, превратишься обратно в те компоненты, из которых я тебя собрал. Через год даже собакам поглотить будет нечего. Мне совершенно все равно, как ты выглядишь. И тебя это тоже не должно волновать. Единственное, что для нас важно, – это как бы поскорее запустить цирк. Поэтому выбирай: или ты мне помогаешь, или я избавляюсь от тебя как от неудачного эксперимента, а из твоих компонентов создаю что-нибудь новое.

Костлявый упер руки в боки и принял дерзкую позу. Он чем-то походил на нахального комара.

– Ты – босс, чаго уж тут. Балбес-то, конечно, в твоём распоряжении. Не так, чо ли?

– Превосходно, – ответил Кабал невозмутимо. – А теперь подойди ко мне.

– Вообще-то, это был сарказм, – пояснил Костлявый своим обычным голосом: фразы его звучали ритмично, с сильным американским акцентом, а на долгих гласных в речи проскальзывали раскатистые французские интонации.

Тем не менее он подошел к Кабалу, который присел возле стопки вывесок.

– Ты действовал мне на нервы. Вот, посмотри на это.

– Необыкновенные люди, отчаянная храбрость, восемь чудес света. По-моему, вполне стандартные представления.

– И от каких из них дух захватывает? Ради чего публика поедет со всех концов? Мне нужно знать.

Костлявый вопросительно посмотрел на него.

– Ты меня спрашиваешь, босс? Разве это не твой план? – Он пристально вглядывался в Кабала, который по-прежнему прохаживался среди вывесок, пытаясь разгадать секрет. – У тебя ведь есть план?

Кабал не ступал, сделал шаг в сторону и испепеляющим взглядом уставился на доски.

– Не понимаю. Кому в голову придет терять время на подобную чушь? Просто ерунда какая-то! Экспонаты-подделки, мутации, уродства, ложь! Все ненастоящее! Временное! Все это... – Плечи его поникли: некромант в жизни не чувствовал себя таким бесполезным. – Иллюзия. Не понимаю.

У Костлявого тоже возникли трудности с пониманием.

– Но ты же добровольно вызвался, верно? Он там внизу, Он ведь не отвалил бы тебе это шоу, если бы ты не знал, что с ним делать. Так ведь?

– Мы заключили... пари.

– Пари?

Костлявый пробыл на этом свете всего каких-то пять минут, но проживи он и пятьсот лет, едва ли удивился бы сильнее.

– Ты поспорил с самим Главным? Да ты ненормальный! Никто не выигрывает у Главного! Он... – Костлявый попытался подобрать убедительную метафору, но в итоге все равно сказал лишь: – Он же Главный, черт!

За темными стеклами очков глаза Кабала вновь сверкнули.

– На этот раз ему выиграть не удастся.

– Да ты себя обманываешь! – пробормотал Костлявый с явным презрением. – Только в сказках людям удастся одержать верх над его Сатанинским Люциферничеством. Ты уж прости за плохие новости и все такое, но дело твое дрянь, чувак.

Кабал пропустил слова Костлявого мимо ушей и снова уставился на вывески.

– Прежде чем начинать, нужно составить смету, принять важные административные решения – что брать, что оставить. Какие-то представления окажутся полезными, другие – лишь пустой тратой времени и ресурсов. Мне нужен совет. Костлявый, на какие номера мне сделать ставку?

Костлявый печально покачал головой:

– Тут я тебе не помощник, босс. В конечном счете, я всего лишь ходячий прах. Единственный настоящий человек здесь ты. Тебе и решать.

– Но я не могу, – уверенно заявил Кабал. – К тому же я совершенно не разбираюсь в людях. Придется искать совета у кого-то другого.

Некромант долго вглядывался в даль, затем набрал полную грудь воздуха и сказал:

– Похоже, у меня есть человек на примете.

Кабал подошел к двери и спрыгнул на рельсы. Дензил и Деннис сидели возле поезда и швыряли камни в ворону. Ни один снаряд и близко не попадал, но птица все равно внимательно следила за происходящим.

– Вы двое, – скомандовал Кабал. – Вы остаетесь в подчинении у Костлявого до моего возвращения.

Деннис и Дензил задрали головы, чтобы посмотреть на Костлявого, который как раз высунулся из вагона прямо над ними. Костлявый ухмыльнулся:

– Как делишки?

Парочка заторможенно улыбнулась и помахала ему в ответ.

– Ворона! Ко мне! – приказал Кабал.

Не раздумывая, птица подлетела к некроманту и уселась ему на плечо.

– Ты отправляешься со мной, пока бед тут не натворила.

– Кар! – самодовольно крикнула ворона.

Костлявый прислонился к косяку и спросил:

– Так что, босс? Чего ты хочешь? Что нам с мертвяками надо сделать к твоему возвращению?

Кабал указал на двигатель.

– Не знаю, как долго я буду отсутствовать. Возможно, мне потребуется несколько дней. Пока что отдрайте локомотив и соберите топлива. Знаешь, на чем он ходит?

– Да на чем угодно.

– Отлично. Загрузите вагон для угля, заполните котел водой. В округе полно прудов и речек. Так что с этим проблем не возникнет. Затем попробуйте расчистить рельсы до развилки. Мы должны выдвинуться в путь сразу, как только цирк будет укомплектован.

Костлявый взглянул на деревья и поджал губы. Задача предстояла та еще.

– Это все? Больше ничего?

Кабал задумался, а Костлявый вздохнул: ну кто его за язык тянул.

– Ах да. Если останется время, нарисуйте на первом вагоне с обеих сторон название цирка. Ты ведь сумеешь вывести буквы краской?

– А то как же, конечно, смогу. Если правильно приложу голову, то смогу сделать что угодно. Как ты хочешь назвать цирк, босс?

Кабал сказал ему название.

Костлявый одобрительно присвистнул.

– Да, ты полон сюрпризов, чувак.

Глава третья

В которой Кабал отправляется в знакомые места и запускает бродячий цирк

Захоронение – это личное дело каждого. Есть, конечно, люди, которые предпочитают, чтобы их сожгли или оставили на съедение стервятникам, или утилизировали другим столь же негигиеничным способом.

Но речь здесь совершенно не о таких индивидуумах.

Те же, кто желает, чтобы тело их предали земле, имеют различные взгляды на вопрос о месте захоронения, как будто в их ситуации это играет какую-то роль. Одни представляют себе утопающий в зелени церковный сад в погожий весенний денек, звон колоколов, призывающий верующих к молитве, безупречные изумрудные газоны и белые, усыпанные галькой тропинки. Другие – обычно те, кто любит рядиться во все черное и полагает, будто Байрон был очаровательным сумасшедшим злодеем, – мечтают быть похороненными на мрачных кладбищах, в тени громадных готических церквей, под темным, низко нависающим небом, которое вот-вот готово разразиться громом и молниями. Последнее пристанище на скале у моря – тоже неплохая идея. Есть те, кто просит вместо памятника посадить над их могилой дерево, и тогда их плоть будет питать корни могучего дуба или клена.

Многие подобные просьбы можно понять и даже прочувствовать в большей или меньшей степени. Однако невозможно даже примерно представить, что творилось в головах людей, которые покупали места на Гримпеновском кладбище. Может, они ненавидели своих родственников и хотели отвезти их в самое уродливое и мрачное место на земле хотя бы после смерти?

Гримпеновские могильники поднимались (это если использовать неправильное слово) и лежали (если говорить точнее) в самом сердце болота, на территории, где до недавних времен свирепствовала малярия. От переносчиков заразы избавляться не пришлось – похоже, они сами решили, что жить им надоело, и сдались.

Погост хитроумно расположили на оконечности полуострова, попасть на который, не рискуя жизнью, можно было лишь пройдя по узкому извилистому перешейку, с обеих сторон окруженному топями сродни тем, что упоминаются в приключенческих романах. Никто даже не догадывался, сколько злостных преступников, цыган, слывших исчадием ада, и созданий, о существовании которых человеку не полагалось знать, испустили здесь свой последний иступленный вздох и сгнули в этой вязкой грязи. Вероятно, таких набралось прилично. После перешейка предстояло одолеть опасную извилистую тропу, чтобы наконец-то оказаться возле ржавых ворот, ведущих на кладбище. Как можно было догадаться, ворота держались на одной петле и зловеще скрипели при малейшем дуновении ветра. Ветра на Гримпеновском кладбище никогда не дули сильно, ведь иначе развеялся бы густой туман, укутывавший землю. А это уже никуда не годилось. Люди частенько говорят о легендарных лондонских туманах, которые, хоть густы, желтоваты и ужасно вредны для здоровья, ни в какое сравнение не идут с тем, что творилось на Гримпеновском кладбище. Местные туманы стлались со стилем. Медленно, загадочно, жутко и таинственно они расползались над землей, перетекали и окутывали все вокруг. Казалось, будто они наблюдают и ждут чего-то. Люди ненавидели, когда похороны проводились здесь, ведь скверные туманы следили за живыми. И выжидали, когда те тоже умрут.

Но все же кладбище закрыли и сделали это потому, что оно было заполнено – заполнено под завязку мертвецами, которых люди хотели забыть. Злобными отцами, незаконнорожденными сыновьями, обезумевшими матерями, больными дочерьми. Всех до единого привозили в гробах – у кого из простой сосны, у кого из резного тика – и хоронили подальше от глаз, стремясь стереть из памяти. Родственники стояли над разверзнутыми пастьми могил, не про-

лив и слезинки. В некоторых местах возвышались памятники из причудливого мрамора или твердого гранита, что привозили из далеких земель, и на них были высечены барельефы. Люди победнее и не столь лицемерные украшали могилы плитами из дешевого известняка или даже дерева. Ненавидимые всеми магнаты и бесчестящие род наследники лежали рядышком с горничными, которые прежде жили у них в комнатухах под лестницей. Могильные камни проседали на мягкой почве, а люди вычеркивали погребенных из своих сердец.

Но все же на кладбище еще оставались места. В самом дальнем конце, на максимальном удалении от ворот, у самого болота размещалась семейная крипта, которая так до конца и не была заполнена. Единственное семейное захоронение на всем кладбище имело очень необычную историю.

Семейство Друин могло проследить свою родословную аж до времен Нормандского завоевания: считалось, что их фамилия – это искаженная нормандская де Руэн, хотя никаких свидетельств тому, что они прибыли из Нормандии, не существовало. Доподлинно неизвестно, какую роль первый Друин сыграл во время завоевания. Члены семьи заявляли, будто он скакал бок о бок с самим Вильгельмом Завоевателем, ибо являлся доверенным лицом и помощником монарха. Однако, согласно последним обнаруженным историческим документам, подобная близость Друинов к престолу объяснялась лишь тем, что Вильгельм хотел приглядывать за своим подчиненным. Как бы там ни было, одно установлено точно – семейству был дарован участок земли в вечное пользование, и на нем находилось то самое болото, где теперь располагалось кладбище.

Шло время, семейство Друин как-то перекечевывало из столетия в столетие. В череде бесконечных конфликтов и войн они частенько ставили не на ту лошадь, но всегда умудрялись в итоге оказаться на стороне победителей, в очередной раз совершив невообразимое предательство. Поговаривают, будто Ричард III знал, что обречен, когда ему доложили, что Друины переметнулись на сторону Ланкастеров. Король сказал что-то там про крыс и тонущий корабль, а после отправился искать свою лошадь.

Когда началась эпоха Плантагенетов, Друины, по слухам, способны были перейти из протестантства в католичество и обратно в течение одной церковной службы. И правда, во время последней реконструкции особняка Друинов была обнаружена тайная библиотека, в которой хранились копия катехизиса, Библии на греческом, латинском и английском, трактат по кальвинизму, Коран, Трипитака¹ и еще какая-то арабская книга с переплетом из необычной кожи. Позже эту арабскую книгу украла банда, состоящая из антиквара, бандита и шепелявой женщины.

Многое менялось, но семья долгое время оставалась при дворе, пока не грянула промышленная революция. Тогда Друины поняли, что могут сколотить куда большее состояние как нувориши. Они принялись вкладывать деньги в фабрики и железные дороги, отправляли детей в шахты, а слово «филантропия» аккуратно вычеркнули из своего лексикона. Семейство богатело, богатело и богатело.

Вот примерно тогда огромное состояние и маленький генофонд сыграли с Друинами злую шутку. Дурная репутация семейства ограничивала их круг общения, а посему они были вынуждены заключать браки с родственниками. Кровосмешение постепенно подрывало их психику. Они впадали во все большее безумие и дорого за это платили.

Беатрис построила Музей бобовых, где разместила крупнейшую коллекцию гороха. Гораций выкопал перевернутую копию Вестминстерского дворца, как будто собирался изготовить огромную силиконовую форму Матери всех парламентов. Джереми организовал лисью охоту

¹ *Трипитака* – свод буддийских священных текстов V–III веков до н. э., составленный вскоре после просветления Будды. (Здесь и далее прим. перев.)

и травил собак лисами, а затем пошел еще дальше и стал вламываться в дома с войском дрессированных барсуков.

В семье царила атмосфера взаимной ненависти и всеобщего безумия, настолько плотная, что ее почти можно было ощутить. И лишь тетушка София пока еще дружила с головой и решила отправиться за границу в поисках средства, способного исцелить болезнь.

Но, судя по всему, план ее провалился. Несколько лет она путешествовала, а затем вернулась, на удивление спокойная и терпеливая, даже, может, немного самонадеянная.

Первым делом по возвращении тетушка София создала Гримпеновское кладбище и организовала строительство семейной крипты Друинов, которую возвели в самом недоступном углу. Каждому члену семьи отвели место, единственным исключением стала сама София. Когда тетушку спросили, для чего она все это сделала, та ответила с довольным оскалом – мол, если за годы путешествий она что и узнала, так это то, что семье не суждено избавиться от проклятия сумасшествия, и род их обречен на вымирание. На вопрос, почему она не отвела место в крипте для себя, София сказала, что переживет всех остальных.

Члены семьи многозначительно переглянулись. Неважно, были они в здравом уме или нет, но все как один понимали, куда дует ветер.

Удача вдруг как-то резко покинула Софию. С ней произошел ряд фатальных инцидентов. Несчастья преследовали ее повсюду: то мешок с бетоном, то еще что-нибудь тяжелое стремительно падало сверху как раз в том месте, где прогуливалась тетушка, и попадало ей в голову. Несколько раз ее объявляли мертвой.

И всегда по какой-то удивительной случайности, когда ударяла беда (а ударяла она сильно), все остальные члены семьи находились далеко. У всех имелось железобетонное алиби, причем напечатанное за несколько дней до происшествия. Но каждый раз София неизбежно приходила в себя на столе в морге, садилась, потягивалась и спрашивала, когда подадут чай.

Однако в конце концов произошел особенно неприятный случай, который свел несокрушимую Софию и почти четыре тонны гелигнита ² в одном и том же месте в одно и то же время. Тут уж было ничего не поделать – не стоило ждать, что тетушка очнется во время вскрытия и попросит второй завтрак. Ошметки Софии собирали с деревьев, отскребали с дороги и вылавливали в пруду с помощью сетей для ловли креветки. Затем со всеми подходящими церемониями ее поместили в любимую сидячую ванну, положили туда купальное снаряжение и захоронили в самом дальнем углу крипты. На том все и закончилось. На два месяца.

Затем, одним прекрасным утром, семья проснулась и недосчиталась за завтраком одного члена. Беатрис нашли подвешенной за лодыжки на люстре. На лице ее застыло выражение подлинного ужаса. Она была совсем мертва. По всей комнате рассыпали горох, много гороха. Вскрытие показало, что еще пять тысяч горошин были засунуты ей в горло и забили пищевод и дыхательные пути. Спустя месяц в зале трофеев появилась голова Джереми, прибитая к дощечке. Еще через две недели на вершухе выкопанного Вестминстерского дворца в трехстах футах под землей нашли покалеченное тело Горация.

Один за одним Друины умирали, причем, судя по всему, от руки человека, который был прекрасно знаком с их причудами. Феликса придавило менгиром ³. Дафна утонула в холодце. Ну а учитывая пристрастия Джулиана, даже хорошо, что нижнюю часть его тела так и не обнаружили. В общем, крипта Друинов быстро заполнилась.

Вот если бы кому-то в голову пришло проверить сидячую ванну тетушки Софии! Если бы только кто-то поинтересовался, куда именно она ездила за границу. Если бы хоть один член семьи попытался установить, что вызвало массовую анемию у детей в округе. Ах, эта

² Гелигнит – особый тип взрывчатки.

³ Менгир – огромный каменный столб, мегалит.

мистическая Гримпеновская чума. Ни один ребенок от нее не умер. Все, кто переезжал, очень быстро шли на поправку. Доктора были обескуражены.

Удосужься они сверить записи более тщательно, возможно, заметили бы еще одну любопытную черту, общую для всех пострадавших. В ночь, когда дети заболели, все они видели один и тот же кошмар. Им снилась темная грязная комната, вроде подвала или тюремной камеры, с углублениями в стене. Всех их тянуло к углу, где располагался мрачный альков. К своему удивлению, в этом Богом забытом месте они обнаруживали старомодную сидячую ванну. Спустя мгновение, прежде чем страх успевал парализовать их, дети вдруг понимали, что в ванне кто-то сидит – бледная пожилая женщина, чей злобный взгляд гипнотизировал, на чьем лице отражался столь безмерный голод, что одно воспоминание о нем заставляло детей заходиться ревом. Пока женщина вылезала из ванны и шла к ним медленно и уверенно, неотвратно надвигаясь, подобно гигантскому пауку-альбиносу, дети не могли ни бежать, ни даже пошевелиться. «Госпожа Мочалка! Госпожа Мочалка!» – кричали они.

Даже когда последний из Друинов упокоился в крипте, случаи анемии продолжались. В течение многих лет полагали, будто болото плохо влияет на детский организм. Так что родители, которым это было по карману, отправляли детей в другое место до тех пор, пока они не подрастут и не окрепнут, чтобы дать отпор болезни. Тем временем кладбище помаленьку заполнялось никому не нужными, всеми забытыми мертвецами. А когда места на нем не осталось, его быстро предали забвению. Время взялось за погост, обращая его в прах и возвращая земле.

Никто не приходил на Гримпеновское кладбище без острой на то необходимости. Даже самый циничный, обкуранный опиумом поэт нашел бы множество других дел, вместо того чтобы сидеть на одной из могильных плит этого кладбища и сочинять сонет. Даже если ограничиться хайку, все равно придется провести там слишком много времени, а от этого становилось не по себе.

Итак, уродливое кладбище было всеми позабыто, а «малокровная чума» продолжалась. Но все изменилось около восьми лет назад.

Иоганн Кабал остановился у полуразрушенных ворот и окинул территорию задумчивым оценивающим взглядом. За восемь лет, что прошли с тех пор как он побывал здесь, кладбище окончательно пришло в упадок. Непохоже было, что за этот промежуток времени сюда кто-то навещался, чему некромант совершенно не удивился. Могильные плиты накренились еще сильнее, мох облепил памятники еще больше, а чтобы прочесть надписи, пришлось бы хорошенько поработать металлической щеткой и посветить на них под углом. Однако следов человеческого присутствия заметно не было. «Прекрасно», – подумал Кабал. Значит, можно исключить прочие переменные из непростого дела, которое ему предстояло. Взвесив саквояж, который он держал в левой руке, некромант двинулся дальше. Ворона на его плече то и дело подсакивала и постоянно вертела головой. Птица держалась настороженно: ей совсем не нравилось это место.

Кабал прокладывал путь мимо памятников и островков высокой травы, продвигаясь, насколько это возможно, по прямой к семейной крипте Друинов. Пока он шел, вспоминал свои ранние изыскания о природе жизни, смерти и некоей промежуточной стадии. Именно они привели его сюда, а в результате все закончилось тем, что он, нет, ну если не бежал, то по крайней мере быстрым шагом ретировался по мощеной дороге.

Отвлечшись на воспоминания, Кабал запнулся обо что-то в высокой траве, пошатнулся, ворона при этом яростно захлопала крыльями. Но некромант быстро восстановил равновесие, обернулся, а затем открыл створку фонаря, чтобы получше разглядеть то, обо что споткнулся. Кабал по своей природе был человеком сдержанным, но при виде предмета в траве он изумился и тихо промолвил: «Ого».

Под ногами лежал старый военно-полевой телефон из излишков армейского имущества, которые потом шли на распродажу. Аппарат был в плачевном состоянии, и некромант даже не стал брать его в руки. Бакелитовая трубка валялась отдельно, а телефонный провод, как Кабал вскоре обнаружил, спускался в гробницу, крышка которой оказалась слегка сдвинута. С трудом некромант припомнил, что в свой прошлый визит он видел этот телефон. Поджав губы, он выпрямился. Несомненно, за брошенным армейским телефоном скрывалась какая-то странная история, но сейчас у него не было ни времени, ни особого желания выяснять, что же произошло. Он пришел сюда с особой миссией и не мог позволить себе отвлекаться. В очередной раз Кабал повернулся к крипте Друинов и продолжил путь.

Большая часть крипты располагалась под землей. Мастерская работа строителей и огромное количество свинца не позволяли высоким грунтовым водам проникать внутрь. Располагавшийся на поверхности вход в крипту представлял собой небольшую практичную постройку, не многим отличающуюся от сарая для угля, разве что с претензией на готичность. Огромные каменные плиты, скрепленные полосами анодированной стали, служили дверями, на которых большими буквами была выведена единственная надпись – «ДРУИН». Однако Кабала куда больше интересовал замок. Старый внутренний сломался после неудачной любительской попытки вскрыть его. Изначально в довесок к нему имелся огромный навесной замок, который крепился к кольцам, прочно вмурованным в дверь. Однако сейчас он лежал в чахлой траве, клоками растущей вокруг крипты. Кабал не удостоил его и взглядом – он и так знал, что его аккуратно срезали ножовкой. Вместо него красовался блестящий замок из нержавеющей стали. Взвесив его в руке, некромант большим пальцем отодвинул заслонку, закрывающую замочную скважину. Она с легкостью поддалась: несмотря на годы, проведенные в сырости, замок был в отличном состоянии. Никаких следов, что его пытались вскрыть. Свободной рукой Кабал достал связку и выбрал из нее маленький ключ. Он вложил его в скважину и медленно повернул. Некромант прекрасно представлял, как скользила каждая металлическая деталь внутри замка, пока ключ неторопливо, не встречая препятствий, делал полный оборот. Замок еле слышно щелкнул. Кабал был очень доволен. Он аккуратно снял замок с колец и убрал в карман. «Имеет смысл переплачивать за качество», – подумал он.

Дверь открылась с низким протяжным стоном – за ней вниз уходила каменная лестница, довольно узкая, но такая, что люди, несущие гроб, могли по ней спуститься. Ступеньки освещал бледный потусторонний свет, выпускаемый, вероятно, фосфоресцирующим лишайником, который, похоже, был повсюду. Он покрывал стены тончайшим слоем патины и странным образом давал настолько тусклый свет, что глаза никак не могли понять, свет ли это на самом деле. Словно остаточное изображение, спроецированное на веко, Кабал видел края ступенек, камни с пятнами призрачного света, а внизу, у самого конца лестницы, обломки, которые вполне могли быть расколотыми деревьяшками.

За углом, невидимая для некроманта, скользнула фигура. Она метнулась по остаткам гроба – щепки задвигались, царапая пол.

Мгновенно все звуки стихли – умолкли сверчки, перестали петать козодои и квакать лягушки в заболоченных прудах. Ворона взлетела с плеча Кабала и, издав единственное «Кар!», устремилась к воротам. Кабал с явным недовольством огляделся.

– Так вот оно как, – тихо произнес он.

Некромант поднял фонарь и полностью открыл створку – яркое ацетиленовое пламя проникло даже в самые дальние уголки помещения. Что бы там ни двигалось в глубине, оно тут же остановилось. Наступила тишина. Кабал прочистил горло и заявил:

– Я вернулся.

Внизу в крипте раздался резкий выдох, очень похожий на шипение. Почти человеческий.

– У меня есть к тебе предложение, – продолжил Кабал.

В ответ – молчание. Некромант уперся рукой о дверной косяк и наклонился вперед.

– Ты меня слышишь? У меня предложение.

По-прежнему ничего. Кабал принялся постукивать пальцами по косяку.

– Черт возьми, я прекрасно знаю, что ты меня слышишь. Мы можем поговорить как взрослые люди, или же я могу снова запереть тебя здесь, выбросить ключ в ближайшее болото и забыть о тебе насовсем. Едва ли тебе там очень весело. А теперь представь, что так ты проведешь десятилетия. Столетия.

Внизу снова что-то задвигалось, но практически мгновенно замерло.

– Хорошо, – сказал Кабал. – Как знаешь. Твой выбор, и, надеюсь, он составит тебе отличную компанию. Тебе она пригодится. Прощай.

Он сделал вид, будто закрывает дверь.

Существо внизу опять зашевелилось. Подобно гигантскому пауку, оно выползло в круг света на четырех худых конечностях. Всклобоченное, зачахшее, оно медленно двигалось среди обломков гроба, подкрадываясь, пока не достигло первых ступенек.

– Ну вот, так-то лучше, – произнес Кабал с уверенностью, которой не ощущал.

Существо резко подняло голову на звук его голоса, и под испепеляющим взглядом создания Кабал отшатнулся. На него смотрели слегка люминесцентные глаза, исполненные пронзительной ледяной ненависти. Кабал вдруг ощутил, что вспотел, несмотря на прохладу ночного воздуха. Все оказалось гораздо труднее, чем он мог подумать. Существо кашлянуло – звук получился гортанным, словно за многие годы оно впервые воспользовалось связками.

– Ты ублюдок, – произнесло создание: голос звучал сипло после долгого молчания. – Ты полнейший, совершеннейший ублюдок.

Кабал моргнул. Он вовсе не ожидал такой степени враждебности.

– Как София? – спросил он, выигрывая время.

Существо не отводило глаз.

– Обратилась прахом. Ты тоже должен был им стать. – Создание опустило глаза. – И я.

– Значит, тебе все же удалось с ней расправиться. Я не сомневался.

Существо издало звук, который мог быть и кашлем, и смехом.

– О да. Я с ней расправился. Но слишком поздно – мне это уже не помогло.

– Были другие?..

– Нет. С чего вдруг? Она никогда никого не убивала подобным образом. Всегда придумывала что-нибудь идиотское. Убийства замышлялись как насмешка. А дети... она никогда не хотела причинить им серьезный вред, изменить их навсегда. Остальные трупы здесь внизу совершенно обыкновенные. По крайней мере они не визжали, когда я их ел, – создание умолкло. – Я испытывал голод.

В его голосе Кабал уловил извиняющиеся интонации, хотя существо явно не намеревалось просить прощения. Что ж, отлично, в нем еще остались крохи человечности. Возможно, удастся разрешить ситуацию.

– Как я и говорил, – продолжил некромант, – у меня к тебе предложение.

– Предложение. – Создание вновь издало звук, похожий то ли на кашель, то ли на смешок. – Я всегда думал, что ты вернешься. Всегда надеялся, что вернешься. Чтобы освободить меня, спасти. И вот вдруг ты заявляешься с предложением. Ты совсем не изменился.

Горящие глаза создания вновь уставились на Кабала.

– Почему ты меня бросил? Я решил, что ты трусил. Но теперь начинаю сомневаться. Что, если ты специально замариновал меня здесь до тех пор, пока я тебе снова не понадобится? Ведь так и было?

В памяти Кабала всплыло, как тогда, восемь лет назад, все внутри него сжалось, стоило ему услышать крик внизу крипты. Он помнил холодную поверхность каменно-стальной двери под ладонью, помнил звук, с которым она захлопнулась, помнил, как поспешно продевал принесенный с собой на всякий случай замок в кольцо. Он помнил, как, объятый страхом, бежал

сломя голову, спотыкался, падал, вскакивал и мчался дальше. Как он неся в приступе паники, не останавливаясь до тех пор, пока легкие в груди не превратились в полыхающее горнило. Тогда он повалился в высокую траву и рыдал, пока не взошло солнце. Однако ярче всего он помнил голос – голос, который звал его и становился все тише, сперва приглушенный дверью, а затем все увеличивающимся между ними расстоянием, пока слова стали совсем неразличимы. Но он все равно знал, что именно кричали ему вслед: «Иоганн! Помоги мне! Помоги!» Некромант глубоко дышал. Наконец, когда он был уверен, что голос его не подведет, не задрожит, он продолжил:

– Да, что-то в этом роде, – солгал он спокойно. – Но я не планировал – все получилось спонтанно.

– Солнце зашло на целый час раньше. А ведь астрономический ежегодник был у тебя. Как ты мог так ошибиться?

– Часы убежали вперед. Я забыл их завести. Обычный промах.

– Ты не совершаешь подобных ошибок, – прошипело создание с жуткой ненавистью в голосе. – Ты никогда не совершал подобных ошибок.

– На этот раз случилось, – огрызнулся Кабал: ему не нравилось, что его отвлекали. – Я всего лишь человек.

Вновь раздался кашляющий смех.

– Как же это чудесно для одного из нас.

Молчание затянулось и стало неловким.

– Мое предложение. Я...

– Я голоден, – перебило его существо. – Как долго я здесь пробыл?

Кабал мгновенно провел расчеты.

– Восемь лет. Чуть больше.

– Насколько больше?

– На тридцать семь дней.

– Восемь лет и тридцать семь дней, – создание на миг задумалось. – Я очень голоден.

– Я найду тебе кого-нибудь, – нетерпеливо произнес Кабал. – Мы можем продолжить?

– Ты мне кого-то найдешь?

Создание рассмеялось, и на этот раз в смехе не слышалось покашливания – его сменил жесткий цинизм, который Кабалу показался куда более угрожающим.

– Ты хоть знаешь, что это звучит как дешевый трюк? От некротолога-любителя ты дорос до сводника. Головокружительная карьера.

– Некроманта, – машинально поправил его Кабал и тут же пожалел об этом.

– Хватит уже из себя строить. Мы с тобой это обсуждали, помнишь? Чтобы получить подобные знания, тебе бы пришлось... О нет, Иоганн. Ты же не?... – Существо ахнуло удивленно и обрадованно. – Ты это сделал! Идиот ты несчастный!

Создание захохотало во весь голос и согнулось пополам от безудержного смеха.

– Ты – кретин! Ничто этого не стоит.

Создание каталось по земле и истерически гоготало, уж слишком истерически.

Губы Кабала вытянулись в тонкую линию.

– Это было необходимо.

– Зачем? – Существо перевернулось на спину, веселье постепенно отступало. – Для чего? Ты ведь уже даже не представляешь, зачем все это делаешь, не так ли?

– Причина та же, что и всегда, – спокойно ответил Кабал.

Последние смешки затихли.

– Прошло восемь лет, Иоганн, – удивленно сказала существо. – Ты даже принес жертву. Я был уверен, что ты потерпел неудачу.

– Я еще даже не пробовал. Хочу удостовериться, что преуспею. Второго шанса не будет. Возможно... – Кабал запнулся. – Возможно, уже слишком поздно.

– Я тебе помочь не могу. Для меня все уже кончено. С тем же успехом можешь снова запереть меня здесь и уйти.

– Нет, – твердо ответил некромант. – Мне нужна твоя помощь.

– Последний раз, когда я взялся тебя выручать, все закончилось тем, что я надолго оказался квартирантом в чужой крипте. Знаешь ли, не чувствую себя особо мотивированным тебе помогать.

– А должен бы.

– Что именно? Помогать? Или быть мотивированным?

– И то и другое. Думаю, я мог бы обратить вспять то, что с тобой произошло.

– Он думает, что сможет. Черт, да от такого позитивизма во мне разгорается энтузиазм. И как же?

– Это... заболевание... которое ты подцепил... разлагает твою душу. В последнее время я много занимался этим вопросом – у меня есть опыт и связи с экспертами. Возможно, я сумею найти лекарство.

– Ну вот опять это слово – «возможно», – существо вздохнуло. – Хорошо, и чего же ты от меня хочешь?

– Я... – Кабал подыскивал слова, но все они казались смешными. – Не так давно я стал владельцем – временно – бродячего цирка.

Создание уставилось на некроманта, не скрывая своего изумления.

– Ты? И цирк? Ничего ведь не поменялось, пока я отсутствовал? Цирк – это по-прежнему место, где люди развлекаются?

– Полагаю, именно в этом его цель.

– При всем моем желании, Иоганн, у тебя шансов кого-то развеселить столько же, сколько у прокаженного попасть на оргию.

– И почему твои сравнения вечно с сексуальным подтекстом? Меня это всегда раздражало.

– Ты сам ответил на свой вопрос. Цирк? Что на тебя нашло, что ты решил купить цирк?

– Я его не покупал. Просто одолжил. На год, теперь уже меньше. Это часть пари.

– Пари? Да я смотрю, сегодня прямо-таки день сюрпризов, – существо покачало головой. – Ты не заключаешь пари: для этого ты слишком серьезен. Все это совершенно нелогично.

– Пари – это...

– Нет, не говори. Дай я сам догадаюсь. У меня было так мало развлечений все это время. Самое веселое – гонки пауков. Проигравших я съедал. А затем и победителя, чтобы не слишком зазнавался. Ладно, давай посмотрим, насколько мои мозги еще соображают, – существо умолкло и погрузилось в раздумья. – Ты никогда не заключаешь пари – кроме тех случаев, когда очень жаждешь что-то заполучить, а владелец не готов расстаться с вещью добровольно. Следовательно, кто бы ни был вторым участником сделки, он из тех, кто не может отказаться от интересного пари. Условия тоже должен был устанавливать он – ты бы ни за что не предложил идею с цирком. Получается, этот второй явно умеет иронизировать – ах, снова мы об иронии – ну, или, по меньшей мере, он немного садист. И кого же мне это напоминает?

Созданию не пришлось долго думать.

– О, Иоганн, – с раздражением простонало существо. – Ты невообразимый идиот. Все это ради того, чтобы вернуть душу, не так ли? Ты словно вчера родился. Его нельзя обыграть. Он заключает пари, только если уверен в победе.

– Люди вокруг только об этом мне и твердят, – Кабал сам начинал терять терпение. – Я говорю «люди», но термин довольно приблизительный. Мне нужна моя душа. Это обсуждению не подлежит. Он сказал – либо так, либо никак. И я согласился, потому что других вариантов у

меня не было. Может, у него и нельзя выиграть. Не знаю. И не узнаю, если не приложу максимум усилий, чтобы попытаться. Если проиграю, то уж не из-за того, что послушал вас, распустил нюни и настроился на поражение. В конце я посмотрю в глаза Сатане и скажу: «Я сделал все, что в моих силах, и мне почти удалось. Пока твоя жирная серная задница расслаживалась тут, я изо всех сил напрягался, чтобы совершить невозможное, так что и на миг не помышляй, будто это твоя победа, ты, самодовольный inferнальный ублюдок».

– Что ж, – сказала существо. – Рад, что ты заранее подготовил речь проигравшего, – тебе она пригодится. Ладно, и что именно ты должен делать с цирком?

– Это один из дьявольских цирков, вроде Темного цирка или Цирка демонов.

– А твой как называется? Тоже что-нибудь мрачненькое?

– Цирк Раздора. Проект долгое время стоял без дела, по-видимому из-за внутренней политики. Только подумать! Как будто бессмертным существам заниматься больше нечем.

– Бессмысленно и времязатратно. По мне, так вполне подходит для того, чтобы скоротать пару-тройку тысячелетий. Продолжай.

– Задача – собрать сотню душ за год.

– Сотню, – в голосе существа появились странные интонации. – Сотню душ.

– Знаю, задачка не из легких.

Кабалу показалось, что существо вздохнуло.

– Зачем ты здесь? Почему не колесишь по дорогам и весям, освобождая нечестивых от бремени их душ в обмен на – что ты там предлагаешь? – безделушки и зеркала? – спросило создание.

– Я... вообще-то, у меня нет готового цирка. Есть огромное количество оборудования в ужасном состоянии. И средства, чтобы его починить и нанять людей.

– Звучит прекрасно. Не забудь прислать мне пупса.

– Что?

– Пупса. Такая дешевая кукла – их обычно дают в качестве приза.

– Приза? Кому?

Существо медленно покачало головой.

– Придется тебе переписать речь проигравшего, Иоганн. Убрать кусок про то, что тебе почти удалось. Ты понятия не имеешь, что делаешь.

– Знаю, – согласился Кабал. – Поэтому мне и нужен ты. Ты разбираешься в том, что обычно творится в подобных местах. А я нет. Мне нужен твой опыт.

– Опыт? Но я никогда не занимался этим.

– Ты бывал в цирках. Помню, ты рассказывал.

Существо заметило нотки отчаяния в голосе некроманта. Где-то глубоко внутри остатки человеческого заставили создание слегка смягчиться.

– Ну да, я посещал цирки всякий раз, когда подворачивалась возможность. Шатался поблизости. Даже думал поработать в одном. Наверное, стоило. Тогда бы я сейчас не оказался здесь.

Кабал пожал плечами:

– Это мало что меняет, но мне жаль, что я оставил тебя. Я думал, ты умер. Или того хуже.

– Ты прав в обоих случаях, – с горечью произнесло создание. – И все же я по-прежнему не понимаю, зачем ты явился сюда. Да, я бывал в одном-двух цирках. Едва ли это делает меня экспертом. Можно же нанять людей с реальным опытом. Есть же такие?

– Не думаю, что объем знаний играет роль. Управление цирком не потребует больших усилий – по большей части все будет происходить само собой. Будут кое-какие непроизводительные издержки. Но зарплаты платить не надо, а призы, еда и напитки предоставляются. Нам даже не придется думать о налогах: цирк перестанет существовать еще до того, как истечет налоговый период. Не думаю, что налоговым инспекторам захочется спускаться в Адскую

бездну за своими денежками. Кто мне действительно нужен, так это тот, кто разбирается в людях. Понимает, чего они ждут от цирка. Кроме того, боюсь, специалисту с более подходящим резюме едва ли понравится одна досадная мелочь: «Так уж получилось, что цирк спонсирует Сатана, и мы куда больше заинтересованы в том, чтобы украсть сто душ, чем в том, чтобы заработать денег».

Существо хрюкнуло: шутка его явно повеселила.

– Ладно, согласен.

Какое-то время создание молча сидело, скрючившись, а затем подняло голову и посмотрело Кабалу прямо в глаза.

– Ты правда думаешь, что сможешь обратить вспять то, что... – он обреченно указал на себя, – то, что со мной произошло?

Кабал не нашел в себе сил солгать. Не на этот раз.

– Я не знаю. Но даю тебе слово – я попытаюсь. Думаю, у меня есть представление о твоей «болезни». Меня лишь недавно просветили. Я попытаюсь. Прости, но большего обещать не могу.

Существо пристально посмотрело на некроманта и, спустя долгую минуту, улыбнулось. Было в его улыбке что-то ненасытное, но Кабал знал, что улыбалось существо искренне. Даже при всем этом от одного вида его желтоватых зубов, от мысли о том, сколько плоти они разорвали, некроманту стало не по себе.

– Наверное, единственное, что меня в тебе восхищало, Иоганн, – так это то, что ты человек слова. По крайней мере, раньше ты им был. Рискну понадеяться, что ты им до сих пор остался, с душой или без. Хорошо, я стану управляющим твоего цирка. Буду решать, что смешно, и забраковывать то, что несмешно. Ты ведь этого хочешь, да?

– Именно, – Кабал вздохнул с облегчением, не скрывая своей радости. – Мне нужен человек, который будет день ото дня решать текущие проблемы.

Существо сурово посмотрело на Кабала.

– Я, конечно, выражаюсь фигурально. Дневной... то есть ночной управляющий цирком. Пока я пытаюсь выиграть пари и занимаюсь всем, что с этим связано. Ты согласен?

– Как правило, нет, но в этот раз – да. Ты же меня знаешь – я на все готов, если подворачивается шанс хорошенько посмеяться.

– Превосходно. Осталось утрясти лишь один момент. Вопрос моей личной безопасности. С самым невинным видом создание приподняло брови.

– Ну что ты, Иоганн. Неужели ты думаешь, будто я причиню тебе вред?

– Да, – невозмутимо ответил некромант. – Ты просидел в этом темном подземелье восемь лет...

– И тридцать семь дней.

– Не удивлюсь, если ты растерял все свое милосердие по отношению ко мне. Возможно, все это время ты считал, будто я виновен в том, что случилось с тобой.

– Упаси Боже меня так плохо о тебе думать. И с чего бы? Только из-за того, что ты настойчиво просил меня прийти сюда, а затем отправиться вниз первым, поскольку я тверже стою на ногах? Из-за того, что на меня напало какое-то чрезвычайно неприятное существо, а все потому, что ты опростоволосился и не сверил часы? Из-за того, что ты бросил меня одного? И только на этих основаниях ты полагаешь, что я могу держать на тебя зло? Боже мой. Как грубо с твоей стороны. Я обижен.

– Избавь меня от своего сарказма. Мне нужны гарантии. Иначе я просто запру дверь и найду другого партнера. Ну так что скажешь?

Существо лукаво посмотрело на Кабала, и ему совершенно не понравился этот взгляд.

– Что я скажу? Позволь я сформулирую это так.

Его фигура расплылась. На миг некроманту показалось, будто нечто темное скользнуло в луче света, но движение было слишком быстрым – глаз не успел его зафиксировать. В следующий миг он уже лежал на спине, а создание сидело сверху, прижав руки Кабала к земле. Существо преодолело крутую двадцатифутовую лестницу за мгновение, которое проходит между вдохом и выдохом. Кабал сглотнул. Его посетило жуткое чувство, что это может быть последний раз, когда он вообще глотает. Поэтому он сглотнул снова, чтобы успокоиться.

– Вот... – существо склонилось к нему так близко, что носы их соприкоснулись, – что я скажу. Я мог убить тебя в любой момент. Оторвать тебе голову и высосать из твоего подергивающегося трупа всю кровь. Однако я все же человек разумный. Я выслушал, зачем после стольких лет ты пришел ко мне. Любой другой на твоём месте, Иоганн, будь он столь же напуган, как ты сейчас, заявился бы в дневное время, когда ему ничто не грозило бы. Это, конечно, бесполезно, но стоило, по крайней мере, попытаться. Так вот, я выслушал твоё предложение. Предложение! Маленький высокомерный ублюдок. Если ты знаешь, как можно обратить вспять то, что со мной произошло, стоило прийти сюда и пообещать мне это просто так, без всяких там условий. Есть лишь одна причина, по которой я не убью тебя сейчас. Но помни, что в следующий раз такого везения уже не будет. Поверь мне.

Существо легко вскочило на ноги и отошло в сторону.

– Я согласен на твоё предложение. Ни больше ни меньше. Я управляю твоим цирком – ты возвращаешь меня в нормальное состояние. После я ухожу.

Кабал медленно поднялся.

– Я подумал, твоё одеяло уже ни на что не годится, – сказал Иоганн, изо всех сил притворяясь, будто ничего не произошло. – Вот новая.

Некромант раскрыл саквояж и вытащил костюм и рубашку. Существо взяло наряд, критически оценило крой, вздохнуло и принялось одеваться.

– Есть ещё всякие туалетные принадлежности – расческа, щетка, набор для бритья. – Кабала вдруг посетила одна мысль. – Ты ведь отражаешься в зеркале, верно?

Существо, которое теперь куда больше походило на человека, презрительно посмотрело на Кабала.

– Откуда мне знать! Дай-ка сюда, – он внимательно изучил себя в зеркале. – По-моему, все отлично работает. Ну вот ещё одна легенда развенчана. Боже мой, да я почти не состарился. Красавчик. Хотя нет, пока я ещё выгляжу слишком больным. – Он многозначительно взглянул на некроманта. – Мне нужна еда.

Кабал попятился.

– Ты сказал, что не тронешь меня.

Существо посмотрело на него и слегка улыбнулось.

– Я сказал, что не убью тебя. Пока ты не умрешь.

– Если ты меня заразишь, я не смогу тебе помочь! – поспешил сказать Кабал.

– Это работает иначе. Ты уже забыл, что ни один ребенок не заразился? Процесс должен быть обоюдным. Должно произойти смешение крови – тогда инфекция распространится. Жаль, что я не подумал об этом прежде, чем попытался съесть Софию.

Кабал поглядывал в сторону ворот и явно намеревался бежать. Создание прекратило следить за некромантом и раскинуло руки.

– Да что тебя так смущает? Не иначе как гомосексуальный эротический аспект?

Кабал дал деру.

– Не лсти себе, – прокричало существо ему вслед.

Прежде чем произошел этот несчастный случай, он был вполне традиционной ориентации, а теперь сомневался, что у него вообще была ориентация.

– Бог ты мой, это же просто переливание крови.

Кабал уже был у ворот.

– Вечно от тебя одни неприятности, – пробормотало существо себе под нос и метнулось вперед, превратившись в размытое пятно.

Дорога обратно к поезду заняла больше времени, чем путь до Гримпеновского кладбища, поскольку передвигаться они могли исключительно ночью. В конце концов низкие холмы сменились болотами, и вскоре они вышли к железнодорожной ветке, которой никто не пользовался. Вдалеке они могли разглядеть длинную гряду, возвышающуюся над окружающими равнинами, и дежурные огни в поредевшей рощице. Когда они подошли поближе, Кабал указал на поезд, зловеще устроившийся на гребне насыпи.

Пока некромант рассказывал, он рефлекторно положил ладонь на две идентичные дырочки на шее

рядом с яремной веной. К своей великой радости, он обнаружил, что по-прежнему мог гулять в дневное время и ему было достаточно шляпы и солнечных очков, чтобы защититься от лучей, – ему вовсе не требовался гроб с комьями родной земли на дне, а ведь он так этого боялся. Как выяснилось, не требовалась даже дощечка от гроба: все оказалось бабьими сказками. Спутник Кабала в течение дня с большим удовольствием спал где придется – главное, чтобы на него не попадали солнечные лучи.

Чем ближе они подходили, тем больше деталей могли различить. Деревья, которые перекрывали доступ к основной ветке, срубили, а пни выкорчевали. В роще на склонах тоже повалили немало стволов. Гора поленьев на платформе поезда впечатляла. Они, конечно, были зеленые и сырые, но на первое время хватит, а потом они найдут топливо получше. В выбоины на железнодорожном полотне воткнули керосиновые факелы, и язычки пламени устремлялись к небу. То тут, то там усердно, без остановок трудились фигуры. Костлявый на собственное усмотрение создал еще рабочих. Кабал не знал, хорошо это или плохо, но, оценив масштаб проделанной работы, решил, что, имея в своем подчинении лишь сомнительные силы Дензила и Денниса, Костлявый едва ли успел бы провернуть столько всего за это время. Он все сделал правильно, решил некромант.

– Боже мой, – спутник Кабала ахнул, стоило ему увидеть локомотив вблизи, и некроманта это порадовало.

Костлявый со своими помощниками отлично потрудился. Демонический поезд почистили и покрасили. Черный цвет выглядел столь насыщенным, что нельзя было сказать, где заканчивался поезд и начиналось ночное небо. На боковой части котла, вдоль решетки и трубы, тянулась тонкая красная линия цвета венозной крови. Все остальное было иссиня-черным. Но внимание их привлек первый вагон, прицепленный сразу за платформой с дровами. На синем фоне красными и желтыми буквами, изобилуя росчерками и завитушками (однако так, что его можно было прочесть), извивалось название цирка. Спутник Кабала остановился и рассмеялся.

– А ты был очень уверен, – сказала существо.

– Просто я знал, если ты не согласишься помочь, у меня нет шансов. Ну был еще второй вариант, что ты меня убьешь. В любом случае хуже от моих ожиданий не стало бы.

Их заметил Костлявый и спустился на рельсы.

– Привет, босс! Ну и как она тебе? – он указал на табличку. – «Всемирно известный цирк братьев Кабал». Как ты и просил.

– Прекрасная работа, Костлявый. Знал, что могу на тебя положиться. Пользуясь случаем, хочу представить тебе.

Спутник некроманта сделал шаг вперед и, улыбаясь, протянул руку Костлявому.

– Хорст Кабал. Безумно рад знакомству.

Глава четвертая

В которой Кабал усердно работает, но получает неоднозначные результаты

Иоганн Кабал сидел за письменным столом и смотрел, как покачивается его пресс-папье. Напротив некроманта, в углу, стоял огромный длинный сундук, в котором обычно хранят одежду. Про такую мебель особо участливые дядья (самые жуткие представители этого вида) любят, прихохотнув, сказать: «Хах! Ты что, там труп прячешь?»

Так оно, собственно, и было. Внутри поверх стопки одеял лежало тело его брата Хорста – холодное словно камень и при всем при этом по-прежнему привлекательное, да настолько, что ему трудно было не позавидовать. Кабала всегда раздражала непринужденная харизматичность Хорста, ну а уж тот факт, что он даже трупом выглядел обаятельно, казался и вовсе оскорбительным.

Кабал раскрыл глаза пошире, едва заметно моргнул и подавил зевок, только зарождающийся в горле. Солнце почти село, сообразил он. Некромант поднялся и подошел к окну. За стеклом, отливая красным, проплывали сельские пейзажи. Небо заволокло облаками. Болота остались позади, и теперь поезд карабкался по низким холмам на север. Еще с минуту Кабал смотрел на закат, пытаясь отыскать в нем то, что раньше заставляло его думать, будто это явление природы красиво. Затем он повернулся и зашагал обратно к столу. На полпути он замер, прислушиваясь к свистку локомотива.

Черный поезд мчался навстречу темнеющему горизонту. Временами раздавался паровой свисток – потерянный, одинокий, пронзительный вскрик с примесью ужаса и угрозы, будто Грендель звал свою мать. Впереди на площадке под навесом Деннис и Дензил по очереди тянули шнур свистка. На них красовались рабочие комбинезоны и кепи, как у Кейси Джонса⁴. Выглядели они лучше, чем когда-либо при жизни. Дензил начальническим взглядом смотрел, как Деннис берет поленья и швыряет их в топку. Все шло хорошо, размышлял Дензил. Мысли возникали из ниоткуда, едва связанные друг с другом, как это бывает у довольно мертвых людей. Примерно так же Дензил думал, пока еще был жив, поэтому переход дался ему легко. Втайне он радовался, что ему не требовалось поглощать человеческие мозги. Его от пудинга с говядиной и почками-то подташнивало. Правда, стоило признаться, что теперь ему куда больше нравился бифштекс с кровью, но он все списывал на те божественные круги, в которых ему приходилось вращаться. Он был почти уверен, что отныне будет питаться исключительно татарскими бифштексами – настоящие деликатесы, верняк. Дензил принялся. Если не считать отдельных завитков дыма, идущих от зеленых поленьев, воздух был чист и свеж. И все-таки ему явно слышался запах приготовляемой пищи. Вероятно, все дело в том, что он слишком много думал о еде. Тут он заметил, что прислонился к стенке топки, и его рука теперь походила на хорошо прожаренный стейк, а не на обычную руку. Будь он в ресторане, то наверняка отправил бы его обратно на кухню, приправив парой нелестных словечек в адрес шеф-повара. В этот момент Дензил произнес свое первое слово с тех самых пор, как он сменил стиль жизни. И слово это было далеко не цензурное.

За локомотивом тянулись платформы, груженные оборудованием, вагоны, где размещались существа, которых лишь при плохом освещении можно было принять за людей, и существа более знакомой наружности. Последние восемь ночей Хорст работал без устали: он исследовал их имущество, выбрасывал хлам, создавал что-то новое, составлял планы, расписания и

⁴ Американский машинист, ставший легендой после того, как сумел спасти всех пассажиров своего поезда, когда тот столкнулся с товарными вагонами. В результате удачного маневра Джонса все, кроме него самого, остались живы.

графики, которым Кабал следовал в течение дня. Время от времени некромант мог заменить одного исполнителя на другого, но никогда не менял поставленной задачи. Ему приходилось безоговорочно доверять Хорсту. Поначалу, памятуя о том, что каждое задание расходует драгоценную кровь Сатаны, хранящуюся в Аду, он спрашивал, почему принималось то или иное решение, почему стоило поступать так, а не иначе. Почему им нужен именно такой зазывала? Почему именно эти призывы? Чем этот номер лучше того?

– Ты только взгляни на них, – отвечал Хорст, поднимая две таблички – одну из кучи одобренных, вторую из кучи «На дрова».

Кабал смотрел. На одной значилось «Линяющий Марко», на второй – «Латексная Лейла».

– По мне, так они обе нелепы до крайности. Не понимаю, зачем кто-то захочет пойти на эти шоу.

– Насчет одной из них ты абсолютно прав. Марко... – Хорст поднял соответствующую вывеску, – человек, у которого выпадают волосы. Причем делают они это совершенно обычно. Вот если бы волосы у него выпадали не по порядку, или после них оставались интересные узоры, или они бы вырастали обратно по мановению волшебной палочки. Все особые способности Марко заключаются в том, что он засоряет водосток и его недолюбливают в мебельных салонах.

Хорст швырнул табличку обратно в стопку дров.

– Напротив, Лейла... – Хорст пристально посмотрел на брата и решил, что понапрасну тратит время. – Просто люди любят подобные вещи. Поверь мне.

И у Кабала не было другого выхода. Хорст всегда знал, что нравится людям. У того за спиной был огромный социальный опыт: он прошел сквозь круги школы, затем университета и наконец взрослой жизни, оставляя за собой кильватерный след – мужчины им восхищались, женщины его обожали, а младший брат ненавидел. За непринужденность манер, за огромное количество друзей, но больше всего за омерзительное отношение всего остального мира к Хорсту, как будто мир этот был обязан Хорсту своим существованием. Брат Иоганна менял места работы и профессии как перчатки, и каждый раз ему все удавалось. Родители возлагали на Хорста большие надежды, и ему не стоило бояться, что младший брат когда-нибудь вытеснит его из сердца отца и матери. «У меня не было шансов, – с горечью думал Кабал. – Мне приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы заслужить их любовь».

– О чем задумался? – раздался голос за спиной некроманта.

Он обернулся и увидел, что Хорст сел в своем сундуке. Пока Кабал размышлял, солнце зашло.

– Вспоминал, как ненавидел тебя раньше, – ответил некромант и вернулся за письменный стол.

– Честность. Обычно мне это нравится. Я знал, что ты на меня злишься, но чтобы ненавидеть? Да ладно тебе, Иоганн. Это уже чересчур.

– Было, да быльем поросло. Вернемся к более насущным вещам. – Кабал развернул карту и указал на городок. – Мертон Пемберсли Нью Таун – первый порт, куда мы заходим. Мы прибудем туда как раз перед восходом. Я должен удостовериться, что мы сумеем правильно дислоцироваться.

Хорст зевнул, демонстрируя слишком длинные верхние клыки.

– Мы уже тысячу раз все проигрывали.

– Двенадцать.

– Как скажешь. Да, мы успеем установить цирк за шесть часов и будем готовы еще до захода солнца. Никаких проблем. – Он широко улыбнулся. – Эта деревенщина даже не сообщит, что с ней произошло.

В часах на полке песчинки медленно сочились в нижнюю чашу. Движение поезда ни на йоту не повлияло на их поток.

Начальник станции сурово посмотрел на поезд, затем еще суровее на самого Кабала.

– Вам нельзя здесь останавливаться, – наконец изрек он и пошел в сторону своей конторы.

Кабал быстрым шагом двинулся за ним следом.

– Но нам надо где-то остановиться. Мы должны установить цирк, – сказал некромант и улыбнулся.

Начальник станции замер, увидев выражение лица Кабала, и отшатнулся.

– Послушай, приятель, у вас должны быть разрешения. Нельзя вот так просто пригнать свой поезд, забить им подъездной путь и думать, что вам это сойдет с рук.

– Но в чем дело? Им же никто не пользуется.

– А-а-а, но ведь он может кому-то понадобиться.

Кабал тут же смекнул, что перед ним тот тип должностных лиц, общаясь с которыми он всегда выходил из себя. И он вышел из себя.

– Прекратите молоть чепуху. Трава на путях выросла уже по пояс. Да здесь поезда уже несколько лет не ходят. Если вы хотите получить своего рода, ну не знаю, плату за постой, так и скажите. Только прекратите, черт подери, строить из себя идиота.

– Плата за постой? Вы что, пытаетесь меня подкупить? – вскричал начальник станции, при этом голос его прозвучал так мелодраматично, что едва ли можно было укорить железнодорожника в неискренности. – Да я работал на эту компанию всю свою жизнь. Тридцать девять лет. Думаете, можно такую преданность купить паршивой мелкой взяткой? Что ж, вас ждет неприятный сюрприз.

Начальник станции ворвался в собственный офис. Кабал вошел следом.

– Как тогда насчет неприлично большой взятки? – спросил он ради эксперимента.

– Я, сэр, преданный сотрудник. Так что убирайтесь вон отсюда со всеми своими непристойными денежными предложениями. И заберите свой чертов поезд!

Кабал видел, что тонкая дипломатия не работала. Несколько секунд мужчины испытующе глядели друг на друга, а затем начальник станции решил, что он вполне может испепелять Кабала взглядом с бóльшим удобством и уселся в огромное кожаное кресло. Пока начальник станции устраивался, на глаза ему попался ящик стола, который он оставил открытым. Некромант заметил, с каким перепуганным выражением железнодорожник его захлопнул. Однако сделал он это недостаточно быстро – Кабалу в голову уже пришла идея, что именно начальник станции мог там прятать. Некромант сдвинул затемненные очки на самый кончик носа, чтобы его собеседник видел – Кабал пристально на него смотрит, а затем вернул очки на место, развернулся и вышел.

Вернувшись к поезду, Кабал застал Костлявого сидящим на ступеньке служебного вагона.

– Ну что, шеф, судя по всему, ждать нам от этого парня неприятностей? – спросил он, когда Кабал был уже совсем рядом.

Костлявый легко спрыгнул на рельс, который невозможно было разглядеть в высокой траве, и продолжил:

– Мы с парой ребят можем навестить его, потолковать. Ну ты понимаешь, о чем я.

Кабал вытащил свои детские черные перчатки и натянул их, а сам в это время глядел на станцию.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, Костлявый. Уверен, мы сумеем прийти к соглашению. У начальника станции в столе... спрятаны журналы весьма интересного содержания. Полагаю, у него зудит в одном месте, только он никак не может дотянуться и почесать.

Костлявый поставил костлявый локоть на костлявую коленку и положил сверху на костлявую ладонь костлявый подбородок.

– И что за журнальчики? «Дерматология сегодня» или что-то в этом роде? – поинтересовался он любезно.

– Да я не о таком зуде. Найди Лейлу и отправь ее на станцию. Только проверь, чтобы она надела пальто.

– Лейлу? Латексную Лейлу? Но зачем, босс?

– Она сделает ему предложение, от которого он не сможет отказаться, – ответил Кабал и улыбнулся так зловеще, что Костлявый поразился – хорошо, что у него на голове нет волос, которые могли бы встать дыбом.

– А пока, – продолжил некромант, – начинайте разгрузку. Мы расположим цирк на лугу, вон там.

– Ты получил разрешение?

– Мне не нужно разрешение. – Снова эта улыбка. – Если кто-то выступит с претензиями, отправь их ко мне.

А желающие выступить с претензиями нашлись. Фермер, этак лет за пятьдесят, с красным лицом, ворвался в кабинет Кабала и завел ужасно скучную бессвязную речь о сельском хозяйстве и законах этой страны. Кабал внимательно его слушал, а если быть точным, внимательно на него смотрел: у фермера были очень любопытные надбровные дуги, которые редко встретишь у людей. Сам того не осознавая, Кабал принялся набрасывать их на листке бумаги, а фермер все продолжал негодовать. Когда гость увидел, что Кабал водит карандашом по бумаге, он разошелся еще сильнее и потребовал сказать, что это Кабал там записывает.

– Процент от сделки, который вы получите за аренду земли, – ответил некромант. – Я подумывал о двадцати пяти.

– Чистыми или грязными? – подозрительно спросил фермер.

– Чистыми.

– Тридцать процентов.

– Давайте обойдемся без той части, где мы пытаемся друг друга обжулить. Двадцать семь.

– Тридцать, – настаивал фермер с растущим энтузиазмом.

– Но вы сами сказали, что земля под паром – посевов на ней нет. Вы ею даже не пользуетесь.

Фермер сощурился и упрямо посмотрел на Кабала – тот пожал плечами, спокойно признавая капитуляцию.

– Вижу, мне не удастся вас переубедить. Что ж, ладно, тридцать так тридцать.

Он потянулся через стол и пожал фермеру руку. Гость уже самодовольно уселся на стул напротив. Кабал отпер ящик стола и вытащил из него напечатанный мелким шрифтом контракт.

– Боюсь, мне понадобится ваша подпись, вот здесь. Не волнуйтесь, – добавил он, заметив выражение лица гостя. – Сборщики налогов ни за что не узнают о нашей маленькой договоренности. Документ нужен мне для личной отчетности и для главного офиса.

Фермер взял лист пергамента и внимательно изучил его. Кабал изобразил на лице полное безразличие, хотя в глубине души он радовался, что Артур Трабшоу остановился на четырехкеглевом жирном курсиве, который оказался совершенно нечитабельным.

Кабал лично прочел весь контракт, вооружившись лупой ювелира, и к своему удовольствию обнаружил, что подписывающей стороне совершенно необязательно было точно знать, что именно она подписывает, – контракт все равно вступал в силу. Выяснив это, некромант задумался над более прямыми способами добыть подписи, однако все они показались ему грубыми и опасными. Только не хватало, чтобы в этот жизненно важный и неповторимый год за ним повсюду гонялись блюстители закона и порядка, а то и полиция сидела на хвосте. Нет уж, он будет играть в игры Сатаны по правилам. Хотя иногда, если представится ситуация вроде нынешней, можно немного и смухлеть.

– Что это за раздел – «Заполняется анафементом»? – фермер снова косо смотрел на Кабала. – Что за анафемент?

– Просто устаревший юридический термин. Наверное, сохранился со времен средневекового права. Не желаете выпить? – некромант сделал шаг к шкафчику со спиртным.

– Ага, виски с водой. И не слишком разбавленный, – бросил фермер, тем временем подписывая контракт.

Кабал передал ему стакан, забрал договор и надежно запер его в ящике стола.

«Минус один – осталось девяносто девять», – подумал он.

На лугу быстрыми темпами возводили цирк – рабочим Кабала чужды были человеческие потребности вроде постоянных перекуров и перерывов на чашку чая, что значительно ускоряло процесс. словно гигантские грибы вырастали шатры, от которых тянулись канаты-растяжки, и временные деревянные здания. Везде красовались яркие плакаты, которые должны были завлекать и восхищать зрителей.

Среди всей этой кипучей активности вышагивали Кабал и рядом с ним Костлявый. Некромант не понимал, почему нужно делать именно так, но беспрекословно следовал схеме, которую нарисовал Хорст, а уж тот выглядел абсолютно уверенным в своих решениях.

– Это наша первая остановка. В чем-то мы все равно ошибемся. Но извлечем из этого урок.

«До чего же Хорста тянет на эти раздражающе избитые фразы», – думал Кабал.

Некромант и его помощник дошли до каллиопы. Этот огромный, украшенный резьбой механический музыкальный инструмент занимал целый вагон во время их путешествия. Из ярко выкрашенной деревянной основы со множеством завитушек вверх тянулись величественные органные трубы, напоминающие мортиры в стиле барокко. Спереди располагалась модель сцены, на которой механические куклы держали муляжи инструментов. Ближе всех к краю стоял дирижер с палочкой. Его фигуру изготовили гораздо тщательнее, чем фигуры остальных музыкантов: автор запечатлел дирижера весело подмигивающим публике. «По крайней мере, – подумал Кабал, – это задумывалось как веселое подмигивание». Хотя лично ему взгляд дирижера казался недобрый. Позади каллиопы о чем-то спорила толпа монтажников.

– В чем проблема? – поинтересовался некромант. – До захода солнца меньше часа. К этому времени каллиопа должна играть.

К нему подошел один из работников. В руках он комкал кепи.

– Мы не можем установить музыку, – стыдливо признался он. – Инструмент не играет, как бы мы ни старались. А если что-то и получается, то вот они не дают использовать пар от двигателя.

– Кто они? – спросил Кабал.

Монтажник указал на махину локомотива. Из кабины торчали Деннис и Дензил с безумными улыбками на лицах. Создавалось впечатление, будто доставлять людям неприятности входит в их обязанности. Дензил радостно махал рукой; некромант заметил, как с левого предплечья отслаиваются куски плоти. «Нужно с ним что-то делать, а то он распугает всех клиентов. Точнее простолюдинов», – поправился Кабал.

Он подошел к локомотиву и устоял на Денниса и Дензила, скрестив руки.

– И чем это вы двое тут занимаетесь?

Дензил мгновенно прекратил размахивать руками и улыбаться. Денниса пришлось пихнуть локтем, да с такой силой, что у него сломалось ребро. А то и два. Только тогда он перестал семафорить руками, потому что грохнулся на пол и скрылся из виду. Послышался удар головой о металлическую обшивку и громкий треск. Пришел черед Денниса произнести свое первое после смерти слово. Оно тоже было далеко не цензурным.

– Позорище. Посмотри на себя, – Кабал ткнул в зажатую на углях руку Дензила.

Тот поспешно спрятал конечность за спину, нижняя губа его задрожала, а на глазах выступили слезы. Некромант сильно побледнел.

– Даже не думай мне тут нюни распускать. Слезай сюда немедленно.

Дензил спустился и замер перед Кабалом, понурившись. Некромант щелкнул пальцами – поскольку на нем были кожаные перчатки, звук получился противным, скользким.

– Покажи.

Дензил медленно поднял руку. Кабал внимательно изучил ее, затем сбросил кожаную перчатку и надел хирургическую, что сильно изумило Костлявого.

– И зачем тебе резиновые перчатки, босс?

Кабал спокойно посмотрел на подчиненного, а затем засунул палец в предплечье Дензила до самого сустава. С хлюпающим звуком плоть полезла наружу, словно незастывшее бланманже. Дензил сопел и пронзительно, перепуганно попискивал, но Кабал не обращал на это внимания.

– Вот зачем.

С громким хлопком некромант стянул хирургическую перчатку – во все стороны полетели шарики полужидкой плоти, не запачкав разве что самого Кабала.

– Избавься от этого, – некромант швырнул перчатку монтажнику, который машинально поймал ее. – Вот молодец, хороший малый.

Кабал повернулся к Дензилу.

– Надо было бросить тебя, хныкающего болвана, там на дороге. Ты и при жизни был бесполезной тратой биологического материала, а теперь, после смерти, вообще забыл о том, что о себе нужно заботиться.

Некромант ударил обожженную руку Дензила тыльной стороной ладони и тут вспомнил, что уже успел снять резиновую перчатку. Он отер слизь о комбинезон Дензила.

– Эту рану не залечить. Понимаешь ты это? Я ничего не могу сделать. Придется либо отрезать... либо... – Кабал задумался. – Я могу ампутировать руку, прижечь обрубок и попытаться оживить кости. Интересная задача. Завтра в моем офисе в девять тридцать. Пока все.

Взгляд его упал на монтажника, и Кабал вспомнил, зачем он вообще пришел сюда.

– Да, и вот еще, помогите монтажникам подсоединить котел к каллиоппе. Сделайте все, что они попросят. Понятно?

Над головой раздалось карканье, и некромант поднял глаза. Ворона уселась на самую высокую органную трубу и теперь глядела на него сверху, всем своим видом демонстрируя ничем не обоснованное превосходство.

– А ты, – Кабал ткнул в нее пальцем. – Только попробуй что-нибудь сделать с трубами, я лично сверну тебе шею. Ясно?

Ворона помотала головой в очень человеческой манере, как делают люди, когда хотят сказать: «Ну вот, черт подери, ты никогда не даешь мне развлекаться». Затем она слетела вниз и пристроилась на кольшке палатки.

Кабал развернулся на пятках и уже было собрался уйти, как раздался звук, заставивший его обернуться. Из кабины высунулась окровавленная фигура с отслаивающейся плотью. Неуклюжие пальцы пытались пристроить на место скальп, но он то и дело вываливался вперед и висел, подобно козырьку совсем непривлекательной новой шляпы. Фигура взглянула на Кабала и протянула руки, покрытые темной запекшейся кровью, а затем, сотрясаясь, застонала. Все вокруг, кроме самого некроманта, сделали шаг назад.

– Так, хватит уже переигрывать, – рявкнул Кабал. – Завтра в десять.

В каллиоппу все еще требовалось установить перфорированную ленту. Кабал включил логику и наметанным глазом изучил механизм. Быстрым движением он схватил рычаг внутри каллиоппы, потянул его назад – вместе с ним поменяла положение поперечная балка. Затем

некромант откинул имеющиеся с двух сторон держатели, забрал у одного из изумленных монтажников рулон, взглянул на стрелки, нарисованные на нем, перевернул, вытянул немного перфорированной бумаги, заправил ее в небольшое отверстие, выровнял перфорацию так, чтобы она попадала на зубцы, пропихнул основную часть рулона в углубление и, придерживая одной рукой, второй защелкнул держатели, после чего вернул на место рычаг.

– Не понимаю, с чем у вас возникли трудности. Надеюсь, вы запомнили, как это делается.

Монтажник неуверенно улыбнулся. Кабал встал и размял затекшее плечо.

– Что у нас с давлением пара?

Костлявый постучал костяшкой пальца по стеклу датчика, прищурившись, посмотрел на мечущуюся стрелку и наконец дал отмашку. Кабал открыл клапан и зафиксировал его в таком положении.

Какое-то время, пока пар шел по трубам, каллиопа лишь пыхтела и щелкала. Затем с черепашной скоростью бумагу начало затягивать внутрь, медленно закрутился регулятор вращений. Каллиопа считала первые отверстия, и труба печально ухнула. После ударил большой барабан. Еще несколько труб нестройно засвистели и умолкли, прерванные очередным барабанным боем, звоном треугольника и чрезвычайно скорбным парадидлом на малом барабане. Деревянная фигурка дирижера прекратила подмигивать, что далось ей с трудом, и развернулась к остальным механическим оркестрантам. Движения дирижера выглядели странно, словно он был авангардистским танцором с травмой позвоночника.

– Смотрите и учитесь, – наставлял Кабал монтажников. – Сперва открываете клапан.

Он показал им клапан.

– Затем ждете, пока он разгонится... – некромант указал на регулятор, – потом фиксируете.

Он постучал по рычагу.

– Эти медленные звуки в самом начале просто невыносимы.

Теперь, когда барабан крутился все быстрее и быстрее, рассмотреть шары на конце регулятора было практически невозможно. Все превратилось в мерцающую полоску призрачной меди. Постепенно, по мере того, как регулятор достиг нужной скорости, его кольцо расширилось и поднялось. В воздух взвилась тонкая струйка пара, и Кабал переключил все свое внимание на музыку.

Некромант не очень хорошо разбирался в ней, но знал, что именно ему нравится. Из этого логично следовало то, что Кабал также знал, какая музыка ему не нравится. Однако, как выяснилось, вывод этот оказался ложным. Каллиопа играла произведение в ритме вальса со множеством каденций и намеренных диссонансов. Пока некромант выбирал следующую композицию, он следил за тем, как механический дирижер взмахивает палочкой через примерно одинаковые промежутки времени и поглядывает через плечо каждые двадцать один с небольшим такта. Кабал выбрал один тубус, в котором хранилась перфорированная лента, и прочел название. «Манеж» Ж. Ласри. Некромант отложил тубус, так и не определившись.

Из задумчивости его вывели липкие руки, настойчиво дергающие за пальто. Кабал посмотрел вниз и обнаружил двух маленьких мальчиков, лет восьми или девяти.

– Чего вам надо? – резко спросил он.

– Когда будут карусели и остальное, мистер? – спросил тот, что понахальнее и посопливее, и вытер нос о рукав, тем самым как бы ставя точку.

Кабал посмотрел в сторону ворот. Ограждение установили уже довольно давно. Затем взгляд его снова вернулся к мальчикам.

– Как вы сюда попали?

Менее нахальный и сопливый извлек сильно помятый кусок картона и показал некроманту.

– У нас бесплатные билеты.

– Сомневаюсь, – возразил Кабал и взял картонку большим и указательным пальцами.

Слегка расправив ее, некромант прочел: «Цирк чудес братьев Кабал! Бесплатный билет на одного человека. Действителен только одну ночь».

– И у меня есть, – сказал мальчишка с сопливым носом и протянул Кабалу свой билет, мало того что смятый, так еще и в соплях.

– Хорошо. – Кабал вернул мальчикам билеты. – Могу я узнать, кто их вам дал?

– Он, – сопливый указал на кого-то за спиной Кабала.

Кабал медленно обернулся.

– Добрый вечер, Хорст. Не знал, что тебе уже пора вставать, – некромант оглядел наряд брата. – Где ты достал этот костюм?

– А, так, попросил галантерейщика раздобыть. Нравится?

На Хорсте красовался необычный костюм цвета королевской пурпурной мантии. Он слегка посверкивал в свете ламп. Поверх изысканно расшитого в серебристых, красных и черных тонах жилета был надет длинный фрак. Под мышкой Хорст держал трость с серебряным набалдашником, а для пущего эффекта коснулся кончиками пальцев свободной руки темно-фиолетового цилиндра.

– О да, – ответил Кабал без намека на энтузиазм. – Ты тут точно свой.

– Проходите, мальчики, – обратился Хорст к детям, искоса поглядывая на брата. – Все начнется с заходом солнца.

Мальчишки умчались на ярмарочную площадь, где уже начинали запускать карусели, а вокруг зазывал перед входами в шатры собирались небольшие беспорядочные группки людей. Губы Хорста расплылись в улыбке, пока он наблюдал за детьми. Затем он посмотрел на Кабала.

– А вот ты совсем не выглядишь как человек из цирка. Как бухгалтер, да. Но уж точно не как владелец цирка или конференсье. На твоём месте я бы завтра первым делом отправился к галантерейщику.

– Я – не ты, – возразил Кабал. – Ты руководишь со сцены, я – из-за кулис. Таков был уговор.

– Да, – признал Хорст. – Таков был уговор.

На лице Хорста заиграла улыбка, от которой пауки бросаются врассыпную.

– Нет, нет и нет. Каков бы ни был твой маленький забавный сюрприз, мой ответ: «Нет, ни за что на свете».

– Мы просчитались с номерами.

– Как так?

– Судя по всему, количество представлений и зазывал не совпадает. Необходимо решить эту проблему.

– Зазывалы. Это те, что стоят перед шатрами и кричат, какие чудеса творятся внутри, да? Хорст кивнул и спокойно улыбнулся:

– Именно.

Кабалу совершенно не нравилось, какой оборот принимало дело.

– Слишком много зазывал? – рискнул предположить он без особой надежды.

Улыбка Хорста стала еще шире. Кабал нахмурился еще сильнее.

– Нет. Нет. Нет. Если тебе непонятно хотя бы одно из этих слов, можешь получить у меня консультацию в офисе.

– Разве ты не хочешь вернуть душу? – Хорст был сама невинность, на лице его играла приторная улыбка, от которой зубы начинали ныть.

Кабал закусил губу.

– Всего одно представление. Но может статься, оно окажется самым-самым, тем, что тебе нужно. Никогда не гадайвай. Да и потом не так много у нас номеров.

Кабал изобразил серьезные раздумья, хотя знал, что Хорст прав. Выбора не было.

– Хорошо. Но только на сегодня.

– Только на сегодня. – Хорст сделал жест в сторону воображаемой вывески и продекларировал: – Исключен из лучших университетов, объявлен неверным всеми известными и неизвестными религиями, недавно вернулся из командировки в Ад. Дамы и господа, представляем вашему вниманию Иоганна Кабала, Некроманта! Та-да-а-а!

Хорст сделал вид, будто трубит в рог.

– Да ты просто неиссякаемый источник веселья, – с серьезным лицом произнес Кабал. – И, к твоему сведению, меня ни разу не исключали из университета. Я уходил по собственной воле. Каждый раз.

– И всегда рано утром, – добавил Хорст. – Послушай, Иоганн. Мы хоть и разные, но ты мне всегда нравился. До того как ты отрекся от людского рода, сердце у тебя было там, где надо. Для тебя справиться с этим раз плюнуть. «Дом медицинских уродств» словно придумали для тебя. Ты знаешь все о человеческом теле: когда оно работает, а когда нет, если нет, то почему, и как заставить его работать вновь. Вроде того.

Хорст засмеялся, и Кабал догадался, что брат вспомнил Денниса и Дензила. Некромант негодующе дернул головой: чертова испытательная партия отправится в канализацию, как только он разработает что-нибудь получше.

– Это же то, что тебя вдохновляет. Поверь мне, когда человек говорит о том, что его восхищает, он и других людей заражает своим энтузиазмом. Настроение передается.

– Настроение передается? – эхом повторил Кабал.

Ни на секунду он в это не поверил. Еще в юности ужасно скучные люди загоняли его в угол и принимались рассказывать об ужасно скучных вещах, которые сами находили восхитительными. И таких было много. Только вот их энтузиазм не передавался ему ни в коей мере.

На лице Хорста отразилась неуверенность: возможно, на Иоганна этот принцип не распространялся.

– Я напишу для тебя небольшую речь, – сказал он примирительным тоном.

Кхе-кхе. «Собирайтесь! Подходите! Готовьтесь! Вас ждет незабываемое зрелище, которое потрясет вас до глубины души. Готовьтесь увидеть самые жуткие шутки, что матушка-природа сыграла с человеком. Готовьтесь войти в „Дом медицинских уродств“».

Кабал умолк и поднял глаза от своих записей. Публика его состояла из одной маленькой девочки, которая изо всех сил показывала некроманту язык, высовывая его так далеко, что это могло даже причинять ей небольшое неудобство. Кабалу оставалось только надеяться. Глубоко вдохнув, он продолжил.

– Стены за моей спиной скрывают подлинный ужас: там собрались самые жуткие мутанты, самые гротескные фрики. Там вы увидите самые отталкивающие производственные травмы. Смотрите, – в самый последний момент он осознал, что его фразе не хватает восклицательного знака. – Смотрите! Мужчина с кишечником снаружи! Двухголовая Алисия-Зенья. Смотрите!

Некромант все никак не мог понять, зачем ему нужно постоянно повторять «Смотрите!». «Ни один деревенский простофиля не захочет трогать, нюхать и пробовать на вкус звезд этого шоу, – подумал он. – Ну, по крайней мере, ни один среднестатистический простофиля».

– Смотрите! Живой скелет по прозвищу Костлявый!

Это было очень любезно со стороны Костлявого – пополнить ряды шоу. Хотя на самом деле он просто с радостью ухватился за шанс послоняться среди толпы и ничего не делать весь вечер.

Кабал снова поднял глаза. Рядом по-прежнему стояла лишь маленькая девочка. Она все так же показывала язык. Тут подросла ее мама.

– Вот ты где! Я повсюду тебя ищу! Что я тебе говорила по поводу рожиц? Будешь их корчить – подует ветер, и останешься такой навсегда.

– Подобного эффекта можно добиться при помощи ряда хирургических вмешательств, – заметил Кабал.

Мать девочки посмотрела на него с привычной враждебностью.

– А вы кто такой? – спросила она. – Выглядите как распорядитель похорон.

Пусть он и был одет во все черное, на распорядителя похорон он нисколько не походил. Кабал точно это знал. Ему никогда не удавалось изобразить набожность, пусть и поддельную, – не помогали даже месяцы тренировок.

– Мэм, – промолвил некромант. – Или мне стоит называть вас красной фурией?

– О-ла-ла! – сказала она одновременно восторженно и возмущенно, поправляя при этом свои искусственные кудри. – Я замужняя дама.

– Простите меня. Позвольте заметить, ваш супруг – счастливейший человек, – солгал Кабал.

Лицо его приняло выражение, которое, если следовать четкому словарному соответствию, можно было назвать улыбкой. Девочка захныкала и попыталась спрятаться за мамину юбку.

– Мэм, позади меня находится «Дом медицинских уродств». Смотрите!

Он нашел нужное место в своих записях, набрал воздуха, выдохнул, а затем убрал бумаги.

– Мэм, – обратился он к ней вновь. – Позади меня шоу уродцев. Там вы найдете несчастных, презираемых изгоев. На этой выставке мы собрали их всех вместе, чтобы вы – обыкновенная женщина, самый обычный член общества – могли позубоскалить и посмеяться над теми, кому повезло меньше. Только представьте! Может, вам не нравится ваш нос? Или линия подбородка? А может, то, как выпучены ваши глаза? Но все это покажется мелочью, когда вы увидите человека, у которого позвоночник растет из макушки. У вас на лице растут безобразные волоски? А у нас есть бородатая женщина! Лишний вес? У нас вы найдете весь спектр: от живых скелетов до невероятно, безобразно толстых людей, настолько толстых, что мы так и не смогли определить их пол. И если вы кажетесь себе ненормальной хоть в чем-то, загляните в наш «Дом медицинских уродств» и скажите: «Господь миловал!»

Толпа разрасталась. Молодая девушка, явно нервничая, подняла вверх руку.

– У... у... у меня веснушки.

Кабал резко взмахнул рукой и указал большим пальцем через плечо на шатер за спиной:

– У нас есть Мальчик-далматинец. Следующий?

– У меня неправильный прикус, – выкрикнул мужчина.

– Тогда смотрите и изумляйтесь Человеку-акуле. Следующий!

– У меня нос слишком маленький, – заявила типичная блондинка, держащаяся за руку богатого мужчины.

– Едва ли он у вас меньше, чем у Симоны Бэзносе, девочки без носа. Следующий!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.